

Сципион
Африканский.
Император
Испании

Илья Хан

Илья Хан

**Сципион Африканский.
Император Испании**

«Автор»

2026

Хан И.

Сципион Африканский. Император Испании / И. Хан —
«Автор», 2026

Продолжение эпической саги о Сципионе Африканском. 212 год до н. э. Ганнибал стоит у ворот Рима, Испания теряет последние римские гарнизоны, Республика на грани катастрофы. В этот момент в Тарракон прибывает Публий Корнелий Сципион, которому суждено стать величайшим полководцем Рима. За четыре года он превратит разбитую армию в грозную силу, но в самом Риме завистники и политические враги готовят ему удар в спину. Вторая книга о жизни полководца — захватывающий рассказ о завоевании Испании, дипломатических интригах и цене, которую платит человек, осмелившийся изменить ход истории.

© Хан И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вторая Пуническая война к 212 году до н.э.	5
Глава 2. Осада Капуи.	11
Глава 3. Тяжелое наследство.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Хан

Сципион Африканский.

Император Испании

Глава.1. Вторая Пуническая война к 212 году до н.э.

"Sol lucet omnibus"Солнце светит для всех.

Осень 212 года до нашей эры. Римляне того времени называли бы этот год «годом консульства Аппия Клавдия Пульхра и Квинта Фульвия Флакка». В этот год в лагере проконсула Клавдия Марцелла под стенами Сиракуз шел мелкий, настойчивый дождь, шедший уже третьи сутки. В палатке, на массивном столе из грубо отесанного сицилийского дуба, залитом трепещущим светом нескольких масляных ламп, лежал главный предмет внимания Марцелла. Это была большая, почти в рост человека, карта. Это была смертельно опасная карта Римской республики в самый разгар ее агонии, на шестом году войны, которая уже пережила многих, кто ее начинал.

Клавдий Марцелл обхватил ладонями виски. Под кожей, грубой и темной от постоянного солнца и ветра, стучало изнеможение непрерывной войны. Прошло несколько лет, как весть о переходе Ганнибалом Альп и бойне при Тразименском озере достигла Рима. Прошло несколько лет со дня страшного разгрома при Каннах, где в болотах Апулии сгнули лучшие легионы Рима. С тех пор карфагенский демон, этот призрак с юга, стал постоянным кошмаром Италии, тенью, падавшей даже на самый ясный день. И теперь Марцелл, трижды удостоенный триумфа, надежда Рима, как его называли одни, и безрассудный мясник, как шептались другие, смотрел на карту, пытаясь охватить единым взглядом весь этот хаос, найти в нем слабое звено, точку, куда приложить силу. Его взгляд, привыкший к деталям поля боя, медленно блуждал по знакомым очертаниям карты. Это была стратегическая карта этого года, когда не было громких побед или решающего сражения. Год стратегического тупика, титанического напряжения всех сил, год, когда каждая из сторон из последних сил пыталась переломить хребет противнику.

В самом центре карты, как и в центре вселенной каждого римлянина, лежала Италия. Длинный «сапог» Апеннинского полуострова, пронзенный в десятке мест остриями вражеских копий и разъеденный изнутри язвами предательства. Красный восковой клин, большой и угрожающий, глубоко вонзился в самое плодородное, самое богатое сердце — в город Капуя. Город-изменник, второй по величине и значению город Италии после самого Рима, открывший свои ворота и свои амбары Ганнибалу после триумфа при Каннах. Его значок — башня — жгло глаза Марцелла, где бы он ни находился. Капуя была тактической базой, зимней квартирой и символом. Символом римского унижения: Марцелл не понимал, как мог первый после Рима город предпочесть варвара? И символом карфагенской надежды, вот он, краеугольный камень новой итальянской конфедерации под эгидой Карфагена.

От Капуи, как ядовитые щупальца спрута, расходились по карте тонкие красные линии: маршруты карфагенских патрулей, набегов, путей снабжения. Но что было куда важнее, вокруг этого красного сердца сомкнулось сплошное, непроницаемое кольцо из черных квадратов с выбитыми на них цифрами легионов. Два консульских войска под началом опытных, осторожных полководцев Квинта Фульвия Флакка и Аппия Клавдия Пульхра душили город в железных объятиях классической римской осады. А где-то рядом, в горах или на равнине, обозначенный крошечной изящной фигуркой слона, вырезанной из коралла, был сам Ганнибал. Его лагерь

был всего лишь точкой, но точкой, от которой исходила дрожь по всей карте. Он метался, как тигр в клетке, пытаясь выманить римлян на открытое поле. Он разорял окрестные земли, пытаясь отвлечь их. Он угрожал другим союзникам Рима. Но консулы, наученные горьким опытом своих погибших предшественников, не поддавались. Они сидели за своими валами, как черепахи в панцире. Их тактика была тактикой Фабия Максима «Кунктатора»: избегать генерального сражения с умным и от этого казавшимся непобедимым полководцем, но методично, неумолимо отгрызать у него опору — союз за союзом, город за городом. Капуя была главным испытанием этой стратегии. Если она падет, миф о непобедимости Ганнибала и выгоды союза с ним рухнет. Если же Ганнибал ее спасет, Италия может затрещать по швам еще с большей силой.

Марцелл провел мозолистым пальцем чуть севернее Капуи. Там стоял значок битвы под Беневентом. Карфагенский полководец Ганнон попытался прорваться к Капуе с большим обозом продовольствия и подкреплением. Его настиг и наголову разбил претор Гней Фульвий Центумал. Еще одна артерия, питавшая красный клин, была перерезана. Но Ганнибал был не из тех, кто прощает. Его ответ был молниеносным и психологически сокрушительным. Стремительным маршем, обойдя римские армии, он появился под самыми стенами Рима. Его нумидийская конница промчалась до Коллинских ворот. Марцелл помнил леденящую кровь панику, что донеслась тогда из города вместе с официальными, сдержанными депешами. Значок Рима, волчица с младенцами, был на его карте обведен жирным, тревожным черным кругом. Но это был блеф. Гениальный, жестокий, рассчитанный на панику блеф. Ганнибал не мог осаждать Рим. Его армия, пусть и мощная, была слишком мала для таких стен. Он хотел одного: заставить консулов снять осаду с Капуи, броситься на выручку родному городу. И он почти преуспел, в Сенате были голоса за отступление. Но старый Фабий Максим и другие трезвые головы настаивали, что Рим выдержит. Консулы не дрогнули, они не двинулись с места. И Ганнибал, простояв у стен, поняв, что его провокация не удалась, увел войска прочь. Это была пиррова победа Рима: город устоял, но унижение было сильным. Тактика Ганнибала — «кнута» в виде разорения земель предавших его союзников Рима и «пряника» в виде пощады тех, кто переходил на его сторону, — начинала давать сбои. Италия, измученная долгой войной, начинала понимать, что Ганнибал может выигрывать битвы, но не может дать стабильности региону. А Рим, даже проигрывая битвы, цеплялся за жизнь с упрямством раненого кабана и не собирался отпустить свою добычу.

Палец Марцелла, задевая за неровности карты, опустился южнее, к треугольнику Сицилии. Здесь, на этом проклятом острове, за тысячи стадий от Капуи, он сам был главным действующим лицом, застрявшим здесь. Сиракузы — величайший город Эллады на западе, гордая жемчужина, родина Архимеда и сокровищница эллинской науки. Город, который после долгих интриг, предательств и внутренней смуты упал в руки карфагенян. Его значок на карте был залит наполовину красным воском, наполовину зачернен углем. Это отражало суть того, что город был под карфагенским влиянием, но уже третий год его душила римская осада. И третий год душила безуспешно.

— Проклятый старик, — хрипло пробормотал Марцелл, и его взгляд упал на небольшой, но отчетливый значок в виде всевидящего глаза, нарисованный углем рядом с контурами Сиракуз.

Архимед — гениальный философ и инженер. Этот семидесятилетний старик, погруженный в свои чертежи на песке, держал в страхе лучшие легионы Республики. Марцелл с горечью вспоминал кошмар первых штурмов. Его мощные осадные машины — «самбуки», гигантские штурмовые лестницы на понтонах, — подведенные к стенам, вдруг оказывались схвачены чудовищными железными клешнями на длинных рычагах, высовывавшихся из-за зубцов. «Железные лапы» Архимеда — механические краны, приводимые в движение скрытыми людьми и противовесами. Они хватали носы римских пентер, поднимали их в воздух

и либо разламывали, либо швыряли на скалы или на соседние корабли. Камнеметы невиданной мощности и точности засыпали приближающиеся суда градом ядер, каждое размером с человеческую голову. Легенды, которые Марцелл сначала считал солдатскими байками, оказались правдой: с помощью огромных полированных щитов или бронзовых зеркал старик умудрялся фокусировать солнечные лучи и поджигать паруса и деревянные борта на расстоянии. Стены Сиракуз, и без того мощные, были усилены его знаниями инженера; перед ними выросли дополнительные башни, амбразуры для стрелков, система внутренних переходов. Город превратился в гигантскую, смертоносную машину.

Марцелл перевел взгляд на синие волнистые линии, окружавшие Сицилию. Несколько значков черных галер — римский флот — блокировали большую гавань. Но к западу, у мыса Пахинум, была другая угроза: флот из самого Карфагена. Он крейсировал там, выжидая момента, чтобы прорваться с подкреплениями, зерном и деньгами для осажденных. Морские стычки были постоянными. Сицилия была житницей, хлебным амбаром, контроль над которым решал, кто будет кормить свои армии. Это был ключ к господству над морем. Пока Карфаген держал здесь плацдарм, угроза Риму висела с юга, отвлекая силы. А пока был жив Архимед, Сиракузы не падут. Осада превратилась в изнурительную, унижительную битву умов: бездушная римская военная машина, символ порядка и дисциплины, против одинокого, рассеянного гения в запачканном хитоне. Взгляд Марцелла, преодолевая мысленное расстояние, переместился на крайний запад карты, за синюю волнистую черту, обозначающую Иберийское море. Там была Испания. Исходная точка всей этой бойни, место силы Баркидов, к которым принадлежал Ганнибал, кладезь серебра, источник железных воинов — иберийцев и кельтибэров. Здесь, на этом диком, жестоком полуострове, ситуация напоминала сложнейшую шахматную партию, где одна неверная комбинация вела к мату. Братья Сципионы — Гней и Публий — обозначались двумя крепкими, надежными черными щитами с выбитыми на них инициалами. За десять лет кампаний они совершили почти невозможное. Высадившись в труднейший момент, отвоевали у карфагенян территории к северу от реки Ибер. Они разбили карфагенские армии, склонили на свою сторону многие местные племена, создали римскую базу в Тарраконе. И главное — они сковали огромные карфагенские силы, не дали им отплыть на помощь Ганнибалу в Италию. Испания была тыловым фронтом, не менее важным, чем итальянский. Пока Сципионы сражались там, Ганнибал в Италии не получал подкреплений из семейных владений. Но сейчас на карте назревала новая катастрофа. Из Африки, из самого Карфагена, прибыл с новой, свежей армией опытный полководец Гасдрубал, сын Гискона. Он высадился в Гадесе, на юге. Одновременно из глубины Иберии, с запада, из Лузитании, подходил со своим войском другой Гасдрубал Баркид, родной брат Ганнибала. Он вел с собой закаленных в боях ветеранов и наемников. Цель двух Гасдрубалов была прозрачна и смертельно опасна: объединиться, раздавить разделенные силы братьев Сципионов раз и навсегда, освободить Испанию и, что критически важно, открыть путь для переброски войск в Италию. Римские силы были разделены, их союзники-иберийцы, всегда верные сильнейшему, начинали колебаться. На карте два красных клина медленно, но неотвратимо сдвигались к позициям двух черных щитов, стоявших порознь. Марцелл чувствовал тревогу. Если Испания падет, ничто не помешает Гасдрубалу Баркиду повторить путь брата через Пиренеи, через Галлию, через Альпы. И тогда на измученную Италию обрушится второй молот. Перспектива войны на два фронта против двух братьев Баркидов была кошмаром, отравлявшим любое, даже самое малое достижение в Сицилии или Кампании.

На северо-востоке карта была испещрена изящными греческими буквами и значками городов-государств: спартанская лямбда, афинская сова, звезда Македонии. Здесь бушевала своя, параллельная война, тесно сплетенная с их собственной через клубок дипломатии и денег. Филипп V Македонский, алчный и амбициозный царь, заключил договор с Ганнибалом сразу после Канн. Его значок, македонская звезда-вергина, лежал тяжелой гирей на побере-

жье Иллирии. Он пытался расширить свое влияние, втягивая в конфликт Этолийский союз — традиционного противника Македонии и союзника Рима — и другие полисы, мечтая о возрождении империи Александра Македонского. Риму, у которого не было ни сил, ни флота для войны на два сухопутных фронта, пришлось вести македонскую войну чужими руками. Они подкупали этолийцев и других недругов Филиппа золотом, которые, главное, удерживали македонца в Греции, не давая ему переправить свои грозные фаланги в Апулию или Эпир. Это был постоянный, дорогостоящий фон, головная боль для Сената и комитетов, оттягивавшая драгоценное серебро и дипломатическое внимание. Но пока что македонская угроза оставалась сдержанной, тлеющим углем, который мог разгореться в пожар в любой момент, если Рим покажет слабость.

И наконец, север Италии, Цизальпийская Галлия. Земля, откуда пришел и где нашел первую поддержку Ганнибал. Красные точки — прокарфагенски настроенные галльские племена бойи, инсубры — все еще усеивали долину, словно сыпь. Они были постоянным, ненадежным, но все же источником пополнения для карфагенской армии: легкой пехотой, всадниками. Рим к этому моменту восстановил контроль над главными колониями — Плацентией, Кремоной — и дорогами, но партизанская война в лесах и болотах не утихала. Полной безопасности не было. И самое главное, любой поход Гасдрубала Баркида из Испании в Италию должен был пройти именно здесь, через эти самые перевалы и долины, где его брата когда-то встречали как освободителя. Здесь он мог надеяться на пополнение, на проводников, на поддержку. Север был открытыми воротами, которые Рим никак не мог наглухо запереть.

Марцелл откинулся на спинку скрипучего походного курульного кресла, присланного ему Сенатом. Звук треснувшего дерева отозвался в тишине палатки. Картина, открывавшаяся перед его внутренним взором и на этой коже, была картиной гигантского, нечеловеческого напряжения, равновесия на самом краю пропасти. Что же было по итогу?

Ганнибал в Италии оставался непобедимым тактическим богом в полевом сражении. Ни один римский полководец не решался дать ему бой на его условиях. Но он был бессилён стратегически. У него не хватало сил для планомерной осады крупных, хорошо укрепленных городов, кроме как через предательство, как с Капуей или Тарентом. Его блестящая стратегия «раскалывания» римской конфедерации дала потрясающие первоначальные плоды. Но теперь, шесть лет спустя, бумеранг начал возвращаться. Он был вынужден метаться по всему полуострову, как пожарный: туша один пожар за другим, спасая своих новых союзников от методичного, безжалостного римского возмездия. Его великая армия, перешедшая Альпы, таяла. Пополнения из Карфагена были мизерными. Новые солдаты, в основном галлы, были недисциплинированы и ненадежны. Карфагенский сенат, погрязший в торговых интригах и зависти к клану Баркидов, слал помощь скупой, нехотя, словно откупные. Рим потерпел чудовищные, невиданные в своей истории поражения. Он потерял подряд несколько армий, десятки тысяч лучших граждан, цвет сословий. Но он не был сломлен. Его сила была в трех китах. Во-первых, в практически неиссякаемых людских ресурсах системы союзов. Он мог позволить себе терять целые легионы и тут же формировать новые из латинов, самнитов, умбров. Во-вторых, в удивительной, железной верности большей части союзников. Несмотря на все беды, искушения и примеры предательства, большинство итальянских городов оставались с Римом, потому что видели в нем систему правопорядка, стабильности и взаимных обязательств. В-третьих, в новой, осторожной и безжалостной стратегии, сформулированной Фабием Максимом. Рим больше не искал одного решающего удара. Он душил Ганнибала медленно, как удав, отрезая его от баз, союзников, ресурсов и подкреплений. Осада Капуи была краеугольным камнем этой стратегии. Но цена была чудовищной: центральная Италия лежала разоренной, крестьянство нищало, казна пустела, нервы у всех были натянуты до предела, а тень нового вторжения из Испании висела дамокловым мечом. Таким образом, 212 год был годом, когда чаши весов колебались, почти не двигаясь с места, скрипя от невероятной нагрузки.

С одной стороны, Рим добился серьезных успехов: изолировал Ганнибала в Италии, нанес удар по его престижу и стратегии, осадив его главного союзника.

С другой — Сиракузы и Тарент, еще один крупный греческий город, перешедший на сторону Карфагена, держались. В Испании над братьями Сципионами сгустились тучи, грозящие катастрофой в масштабах всей войны. Ресурсы Республики, моральные и материальные, были на пределе.

В палатку, пропустив внутрь порыв влажного ветра и шум дождя, вошел военный трибун из знатного рода. Его позолоченные доспехи были покрыты мельчайшими каплями воды, плащ тяжело обвисал.

— Проконсул, вести от патрулей у Эпиблейских высот. Заметили движение факелов на северном участке стены, у ворот Диона. Готовится ночная вылазка или переброска сил. И кое-что еще, — трибун сделал шаг вперед, вытянув руку со свитком, опечатанным восковой печатью с изображением Януса. — Прибыл курьер из Рима, на галере, что прорвалась сквозь карфагенский кордон у Пахинума.

Марцелл бросил на карту последний, пристальный взгляд. Все линии напряжения, все красные и черные значки, все эти кольца осад, движущиеся клинья и неподвижные щиты. Шестеренка, провернувшаяся в Испании, могла сдвинуть с места маховик в Кампании. Падение одного города могло вызвать лавину. Он чувствовал тяжесть этой взаимосвязи.

— Сначала — вести от сената, — сказал он устало, жестом приглашая трибуна внутрь.

Гонец, усталый и бледный от морской болезни, передал два свитка. Первый — из Кампании, от консулов. Осада Капуи продолжается. Голод в городе усиливается, цены на хлеб достигли небес, начались болезни. Но дух защитников, подогреваемый карфагенскими офицерами и страхом перед римской местью, пока крепок. Армии Ганнибала нет в непосредственной близости, по последним данным, он движется на юг, возможно, к Таренту. Но он близко, он всегда близко. Вторая весть была из Массилии, от римских агентов-купцов, чьи корабли бороздили все побережье Испании. Она была лаконична и оттого страшнее: «Гасдрубал Баркид завершил сбор армии в Новом Карфагене. Численность оценивают в 15-20 тысяч пехоты, 3-4 тысячи конницы, слонов. Грузит продовольствие на вьючных животных. Цель — соединение с Гисконом и поход на север, против Сципионов. Но конечная цель известна всем».

Марцелл поблагодарил гонца, велел накормить его и дать отдохнуть. Когда палатка вновь опустела, он снова подошел к столу. Теперь карта ожила в его воображении. Он видел движение, видел, как из Нового Карфагена, с восточного побережья Испании, медленно, но неотвратно начинает двигаться на север и восток новый, свежий красный клин, армия Гасдрубала Баркиды. Как в Сицилии его собственные легионы, эти черные квадраты у стен Сиракуз, увязают в обороне, придуманной безумным стариком. Как в центре Италии римские тиски все туже сжимают красную башню Капуи, а сам Ганнибал, обозначенный коралловым слоном, мечется где-то между Тарентом и Кампанией, как разъяренный зверь, ищущий слабины.

Гонка, в которой Рим и Карфаген спешили первыми достичь своего переломного момента, своей критической точки. Рим должен был взять Капую, чтобы доказать Италии необратимость римской власти и лишить Ганнибала главной базы, символа и ресурса. Карфаген должен был перебросить в Италию свежую армию Гасдрубала, чтобы создать невыносимое давление на два фронта и наконец сокрушить истощенную Республику. Исход этой титанической, невидимой гонки, растянутой на тысячи стадий, должен был определить судьбу Италии и всего Западного мира. На кону стояло господство и то, чья цивилизация, чья государственная модель выживет.

Марцелл глубоко вздохнул, и его плечи, обычно такие прямые, на мгновение ссутулились под тяжестью этой ответственности. Его задача была здесь, перед этими проклятыми, неприступными стенами Сиракуз. Разбить хитроумные машины. Перехитрить старика. Взять город-крепость. Лишить Карфаген этого ключа к Сицилии и морю. Он понимал, что каждый фронт

этой гигантской войны был важен. Каждая осада, каждая стычка, каждый дипломатический шаг были частью единой мозаики. Падение Сиракуз подорвало бы карфагенские позиции на море и высвободило его, Марцелла, и его ветеранов для решающих действий в Италии.

— Легат, — сказал он, не отрывая глаз от ненавистного значка Сиракуз, залитого полукрасным-получерным. — Прикажи центурионам первой когорты удвоить наблюдение за малыми воротами Диона. Именно там они попытаются вывезти кого-то важного или что-то ценное под прикрытием ночи и дождя. Поставь лучших лучников с критскими луками и зажги сигнальные огни на подходах. И приготовь к утру новый онагр — ту переделанную катапульту, что бросает горшки со смолой. Завтра, если дождь прекратится, мы испытаем ее на участке стены у театра. Найдем же слабое место у этого Архимеда. Одно должно быть. У всего есть своя слабость.

Он протянул руку и смахнул со стола крупную каплю воды, упавшую с протекающего верха палатки. Капля упала прямо на значок Рима, на волчицу, слегка размазав черный контур. Маленькая капля на куске кожи, изображающем весь известный мир. Но Марцелл, старый солдат, знал: иногда достаточно одной-единственной, вовремя найденной и использованной слабину в плотине, чтобы вся гигантская дамба рухнула, смывая империи. За стенами палатки, за линиями рвов и валов, в промозглых осенних сумерках зубчатые стены Сиракуз, озаренные редкими прорывами луны сквозь тучи, казались вырезанными из черного обсидиана и старого серебра, выглядя непобедимыми и вечными.

Марцелл тогда еще не знал, что спустя год он сможет взять Сиракузы, несмотря на ожесточенную оборону, в организации которой принимал участие Архимед. Римские воины разграбят Сиракузы, а Марцелл спасет и перевезет художественные сокровища города в Рим. А потом, в 208 году до нашей эры, Марцелл погибнет в случайной стычке во время разведки вражеских позиций в битвах с Ганнибалом. Ганнибал, узнав о гибели Марцелла, лично прибудет на место схватки и долго будет стоять над телом консула, не выказав никакой радости. Он прикажет предать труп огню, а пепел отправить сыну погибшего.

Глава 2. Осада Капуи.

*"Urbes constituit aetas, hora
dissolvit" Города создаются
столетиями, а разрушаются в один
час*

Воздух над Кампанией казался сотканным из противоречий. От горного хребта Тифата, синевшего на севере суровыми, зубчатыми вершинами, тянуло свежестью первых осенних туманов, влажной, почти ледяной прохладой, пахнувшей промокшей корой, прелыми папоротниками и далеким, чистым снегом, который уже лег на самые высокие уступы. Это был запах свободы, просторов, бескрайних лесов, где еще бродили олени и дикие кабаны. Но стоило сделать шаг к югу, к равнине, и воздух густел, тяжелел, менял свой характер. От самого города, от его циклопических туфовых стен и тесных улиц, несло иным дыханием — тошнотворным запахом разложения, медленного, неумолимого гниения жизни, запертой в каменной ловушке. К нему примешивался едкий дым тысяч жалких, скудных костров, сжигающих обломки мебели, двери, книги, все, что могло дать хоть немного тепла. А еще витал ужас перед клинком и изматывающим страхом, перед завтрашним днем, который не сулит ничего, кроме еще большего голода, еще большей слабости, еще более безнадежного ожидания.

Публий Корнелий Сципион, военный трибун шестого легиона при армии консула Флакка, стоял на вершине искусственного холма, насыпной наблюдательной башни у северо-восточного угла римского двойного периметра. Под ногами плотно утрамбованная земля, обложенная дерном, слегка пружинила. Ветер, резкий и влажный, трепал полы его простого шерстяного плаща-сагума, не украшенного ни пурпуром, ни золотом. Он не смотрел на стены, а впитывал этот город всеми чувствами. За его спиной, в пятидесяти шагах, поднималась первая линия римской мощи — внутренний вал. За ним бруствер, на котором через каждые двадцать шагов дежурили дозорные, а в деревянных башнях, возвышавшихся над линией каждые сто пятьдесят шагов, стояли лучники и скорпионы — маленькие, точные торсионные катапульты. Это кольцо было обращено внутрь, к осажденным. Его задача — душить любую попытку вырваться.

А дальше, еще через двести шагов, высилась вторая стена, еще более грандиозная и неприступная — наружный вал. Он был выше, его рвы — глубже, его башни — массивнее. Его лицо было обращено в другую сторону, в мир, в Кампанию, навстречу той единственной силе, которая могла прийти сюда: армии Ганнибала Баркида. Между двумя этими титаническими кольцами лежала мертвая зона, пронизанное колючими заграждениями-стимулами и патрулируемое днем и ночью конными разъездами. Попасть в эту полосу для врага означало неминуемую смерть под перекрестным обстрелом. Это была клетка для целого города и клетка для надежды. Сооружали ее почти два года, методично, не спеша, несмотря на стычки и вылазки. Каждый фут земли, каждый кол, каждый камень говорил, что Рим не уйдет, Рим будет ждать. И в центре этой двойной клетки, как пойманный, но еще яростно бьющийся зверь, лежала Капуя.

Второй Рим — это звание не было пустой лестью. До рокового 216 года до нашей эры Капуя была вторым городом Италии по богатству, населению, влиянию. Ее стены, сложенные из массивных желтоватых блоков вулканического туфа, могли бы состязаться со стенами самого Рима. Ее храмы, особенно величественное святилище Дианы, были богаты дарами и славой. Ее аристократия — землевладельцы, владевшие лучшими виноградниками и оливковыми рощами Кампаний, — жила в роскоши, о которой многие римские богачи могли лишь мечтать. Их виллы славились фресками, мозаиками, библиотеками. Они говорили на безупречной латыни, носили тоги с пурпурной каймой, председательствовали в своем сенате, копируя

римские порядки. Они были союзниками Рима. Сражались в легионах, делили триумфы и горечь поражений. Они были частью тела Республики. И они предали это тело в тот миг, когда Рим, истекая кровью, казалось, должен был упасть за мертвое. После Канн, когда в Риме хоронили десятки тысяч тел, а на форуме стоял сплошной женский плач, капуанские послы нашли Ганнибала, чтобы преклонить колени. Они называли его освободителем, отцом. Они открыли перед ним ворота, свои амбары, полные зерна, свою казну, свои спальни, предложив в жены знатнейших девушек. Они дали ему своих юношей для армии. Они устроили ему пир, легендарный своей роскошью и унижительным для Рима раболепием. Капуя стала его столицей в Италии, его любимым проектом, живым доказательством того, что Рим можно расколоть, что железный обруч Италии может быть разомкнут. И теперь Сципион стоял перед этим городом-изменником. Наследник рода Корнелиев, чей отец, Публий Корнелий Сципион, и дядя, Гней Корнелий Сципион, в это самое время вели свою, невидимую отсюда, отчаянную войну в далекой Испании, чтобы перерезать нити, связывающие Ганнибала с его базой.

Ненависть Публия была сильной: Капуя предала верность данному слову, святость союза, общность судьбы. Она доказала, что роскошь и комфорт могут разесть душу быстрее, чем карфагенская сталь рубит плоть. Его взгляд, тренированный отцом на наблюдении за местностью и противником, выхватывал детали, невидимые для простого легионера. Как на одной из угловых башен обвалился участок зубцов и его не починили, как дым, поднимающийся из города, был жидким, сизым, прерывистым — это тлели жалкие остатки чего-то личного. Видел редкие, вялые движения на стенах. Часовые стояли, облокотившись на копья, а не вышагивали четким шагом. Однажды он заметил женщину в изодранном пеплосе, которая долго смотрела на римский лагерь, и никто из стражников не прогнал ее. Дисциплина, железная основа любой обороны, таяла, как осенний лед под утренним солнцем. Он чувствовал их страх. Чувствовал их голод. И в глубине души, за холодным камнем ненависти, шевелилось презрение. Жалость была бы неуместна, а презрение — в самый раз. Они променяли честь на сытость, верность на иллюзию свободы под карфагенским сапогом. И что они получили? Ту же войну, но без надежды. Они заперлись в своей золотой клетке, а римляне построили вокруг нее другую, железную.

– Трибун Сципион, – раздался за спиной грубоватый голос. Это был его контубернал, денщик и оруженосец Марк Фабий, человек, преданный до собачьей верности и простодушный до жестокости. – Консул Флакк требует в главную палатку. Гонцы прискакали с вестями.

Сципион медленно обернулся; его лицо, юное, но с уже проступившей жесткой линией вокруг рта и тенями под глазами от бессонных ночей, было бесстрастно.

– Кони у них уставшие?

– До белых облаков, господин. И грязи на них по ступицу. Скакали, не щадя живота.

Значит, вести срочные. Возможно, с юга, от Аппия Клавдия, командовавшего второй осадной армией с противоположной стороны города. Или с запада, из Рима. А может, и с севера, от разведки, следящей за передвижениями Ганнибала. Мысль о карфагенском полководце заставила сердце Сципиона сжаться странным предвкушением. Он был призраком, тенью, нависшей над всем его детством и юностью. Идол, которого боялись, и демон, которого ненавидели. Публий чувствовал его присутствие в каждом решении консулов, в каждом взгляде, брошенном на север, в самой этой чудовищной, затратной осаде, которая была нужна только потому, что встретить его в открытом поле после Канн никто не решался. Марк Фабий подал ему плащ и шлем с высоким гребнем из черного конского волоса, знак трибунского ранга. Сципион накинул плащ, чувствуя грубую шерсть на шее, поставил шлем под мышку. Еще один взгляд на город. Ветер донес обрывок звука — не то крик, не то плач, такой тонкий, что он не был уверен, не показалось ли.

— Что у вас на ужин сегодня, отцы-сенаторы Капуи, последние запасы фиников, привезенные вашим господином? Или уже кожу с щитов ваших предков варите? Вы все еще верите,

что он придет? Что он, как бог с горы, разверзнет эти наши рвы и спадет на нас, неся меч возмездия? Вы ждете чуда. А Рим чудесам не верит. Рим верит в лопату, в таран, в терпение. И в то, что предательство должно быть сожрано огнем и голодом дотла, чтобы пепел его навсегда отбил охоту у других, — тихо прошептал Сципион сам себе.

Он спустился с насыпного холма, и земля под ногами снова стала обычной, утоптанной тысячами сандалий. По направлению к центру лагеря, к палатке с красным флажком консульского ранга. Главная палатка Квинта Фульвия Флакка служила штабом. За массивным походным столом сидели двое: сам консул Флакк и его коллега по должности, Аппий Клавдий Пульхр. Формально они командовали разными армиями, блокировавшими город с севера и юга, но координация была постоянной. Флакк, пятидесяти пяти лет, напоминал высохшее русло горной реки; лицо его было изрыто морщинами, кожа — темной, почти как у нумидийца, от постоянного пребывания на солнце и ветру. Его глаза, маленькие, глубоко посаженные, смотрели на мир с усталым вниманием. Он был учеником и сторонником Квинта Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» — Медлителем. Его стратегия была стратегией измора, избегания генерального сражения, методичного удушения. Аппий Клавдий был другим. Лет на десять моложе, с острым, насмешливым лицом, тонкими губами и привычкой постукивать костяшками пальцев по любой поверхности: по столу, ножнам меча, доспехам. Его взгляд был быстрым, оценивающим, в нем читался острый ум и нетерпение. Он не столько ненавидел тактику Фабия, сколько считал ее недостойной римской доблести. Он рвался в бой с любым, даже с Ганнибалом. Его присутствие здесь было необходимостью и постоянным источником тлеющего конфликта. Вокруг стояли легаты, старшие командиры, каждый со своей историей, шрамами и амбициями. Среди них выделялся Марк Постумий, седой, как луна, ветеран с пустой глазницей, прикрытой кожаной повязкой, и сухим, как щепка, телом, которое, однако, сохранило железную выправку. Он потерял глаз и ногу при Тразименском озере, но отказался от отставки. Он был живым укором Ганнибалу и живым доказательством римского упрямства. Все смолкли, когда вошел Сципион. Его молодость, его знатность, его уже сложившаяся репутация человека неординарного, но трудночитаемого, делали его фигурой заметной. На него смотрели по-разному: одни — с молчаливым уважением к роду, другие — со скрытым раздражением, третьи — с холодным любопытством.

— Входи, Сципион, — сказал Флакк, не отрывая глаз от разложенной на столе кожаной карты, испещренной значками. Его голос был хриплым, как скрип несмазанной телеги. — Твои последние разведывательные дозоры доходили до Вултурна, за восточными отрогами Тифаты?

— Да, консул, — ответил Публий, занимая положенное ему место в кругу трибунов, но чуть в стороне. — Мы обследовали оба берега на пятнадцать миль вверх по течению. Броды, состояние дорог, места, пригодные для засад. Никаких признаков крупных сил противника. Местные пастухи говорят, что видели лишь мелкие отряды нумидийской конницы неделю назад, но те ушли на юго-восток.

— На юго-восток, — прошепелявил Аппий Клавдий, перестав постукивать. — То есть в сторону либо Нолы, либо прямо сюда. Он уже близко, гонцы от ноланских союзников подтверждают, что Ганнибал снялся со стоянки у Тарента. Двигается быстро. И ведет с собой основную армию. Теперь это уже не отвлекающий маневр. Теперь он идет выручать свою любимую игрушку.

В палатке стало тихо. Имя Ганнибал, произнесенное вслух, обладало магической силой. Оно вбирало в себя весь воздух. Даже у этих закаленных в боях мужчин на мгновение сжимались челюсти, а взгляды непроизвольно скользили к входу в палатку, словно призрак карфагенянина мог материализоваться там в любую минуту.

— Он не дурак, — хрипло сказал Марк Постумий, опираясь на костыль. — Лепить лобовую атаку на такие укрепления — самоубийство даже для него. У него что, таранов и осадных башен на всю армию хватит? Уверен, что нет.

– Именно, – кивнул Флакк, его пальцы с натруженными, кривыми суставами водили по карте. – Он не станет штурмовать, он снова попытается выманить нас и раскрыть клетку.

– А почему мы должны выходить? – резко спросил один из легатов. – Пусть танцует за нашими валами. Мы просто усилим караулы.

– Потому что он не будет просто танцевать, – вдруг сказал Сципион.

– Продолжай, трибун, – сказал Флакк.

– Ганнибал понимает нашу психологию. Он понимает не только нашу, но и психологию тех, кто в Риме, кто в Сенате, кто в этом лагере. Он знает, что осада длится слишком долго. Что она стоит огромных денег. Что народ в Риме ропщет, требуя зрелищной победы, а не этой медленной возни с землей и бревнами. Он знает, что есть те, – Сципион почти неуловимо скользнул взглядом по Аппию Клавдию, – кто считает эту стратегию трусостью. Он сыграет на этом. Он не станет атаковать нас, он заставит нас захотеть атаковать его.

– И как же он это сделает, оракул? – с едкой учтивостью спросил Аппий Клавдий, снова забарабанив пальцами.

– Он выберет позицию, но не здесь, не у наших валов. Где-нибудь на расстоянии двух переходов. На открытой, ровной местности, идеальной для его конницы и слонов. Он покажет нам свою армию. Возможно, даже сделает вид, что слаб, что у него проблемы с дисциплиной. А потом он ударит по чему-то для нас болезненному. Не по Капуе — по другому нашему союзному городу. По Ноле или по Кумам. Он возьмет его штурмом на наших глазах или начнет жечь храмы и распинать старейшин. И тогда крик в Риме станет оглушительным. Нас обвинят в бездействии. Сенат, под давлением народа и определенных фракций, может прислать приказ. Приказ оставить эти валы и дать бой.

– Мне кажется ты нас недооцениваешь

– Мы просто люди, консул, – ответил Сципион. – А Ганнибал — мастер игры на человеческих слабостях. При Каннах он сыграл на горячности и жажде славы Варрона. Здесь он попытается сыграть на нашем нетерпении и страхе потерять лицо. Он заставит нас поверить, что, оставаясь за валами, мы теряем больше, чем выходя.

– Так что же ты предлагаешь? – спросил Аппий Клавдий, и теперь в его голосе не было насмешки. – Сидеть сложа руки и смотреть, как он режет наших союзников?

– Нет, – твердо сказал Сципион. – Я предлагаю действовать на опережение. Не дать ему выбрать поле. Заставить его играть по нашим правилам. Или сделать так, чтобы Капуя пала до того, как он успеет что-либо предпринять.

– Пала? – переспросил Марк Постумий. – От голода, что ли? Они же еще держатся. У них были запасы, плюс то, что Ганнибал успел загнать в город до начала полной блокады. Они могут продержаться до зимы. А зимой осаду вести вдвое тяжелее.

– Голод делает свое дело, – согласился легат, ответственный за снабжение. – Но дух ломается дольше желудка. Они верят в него, в Ганнибала. Пока эта вера жива, они будут грызть кожу с ремней.

– Значит, нужно сломить дух, – сказал Сципион.

– У тебя есть рецепт, чтобы сломать дух, трибун? – спросил Аппий Клавдий.

– Надежда, консул, – сказал Сципион. – Дух питается надеждой. У них есть одна надежда: что Ганнибал явится, разобьет нас и снимет осаду. Это их пища, их вода. Эту пищу нужно отравить. Нужно показать им, что их надежда — лишь призрак. Что их бог бессилен против римского порядка. Что эти стены — не защита, а крышка их гроба. Что Рим не забыл, не простил и не отступит, пока не получит полного искупления.

– И как ты предлагаешь это сделать? – в голосе Флакка прозвучало нетерпение. – Повесить объявления на стенах? Кричать через рупор?

– Информацией, война ведется не только мечами. Она ведется здесь, – он слегка коснулся пальцем своего виска. – У нас есть перебежчики. Каждый день к нам переползают через валы

голодные, оборванные люди. Но это плебс, рабы. Они ничего не решают. Они не знают планов. Нужно, чтобы сломался кто-то из тех, кто знает. Кто изнутри видит трещины. Или чтобы в город проникла особая правда, та, которая убьет надежду изнутри.

– Например? – Флакк откинулся на спинку своего скрипящего походного кресла, сложив руки на груди.

– Например, вести о том, что крупный обоз с продовольствием из Бруттия, шедший к ним на помощь, был перехвачен и уничтожен нашими войсками. О том, что флот Карфагена, который должен был доставить зерно в Путеолы, разбит бурей или нашим флотом. Или вести о том, что сам Ганнибал потерпел серьезное поражение где-нибудь в Лукании, что его армия разбежалась, а он сам ранен. Или, что еще страшнее для них, что Карфагенский совет старейшин, устав от расходов, официально отказал ему в дальнейшей поддержке. Что он брошен своей родиной. А потом, когда Ганнибал придет, мы вселим в них надежду, что прибыл их спаситель; от резкого воодушевления и эмоциональных противоречий они допустят свою роковую ошибку, и мы ей воспользуемся.

– Ты предлагаешь нам ложь, – отрезал Аппий Клавдий, но уже без прежней резкости.

– Не просто ложь, а оружие, – так же четко парировал Сципион. – Разве стратег, заманивающий врага в западню, не лжет? Разве притворное отступление — не ложь? Война — царство обмана, консул. Тот, кто отказывается от этого инструмента, сражается одной рукой. Если мы заставим их усомниться, если мы посеем панику и взаимные подозрения между капуанцами и карфагенским гарнизоном, стены рухнут быстрее, чем от самого мощного тарана. Они начнут убивать друг друга за последнюю горсть зерна, а потом, после ложной надежды о прибытии спасителя, мы их добьем.

Флакк долго смотрел на молодого трибуна. Взгляд старого солдата, видевшего все виды хитростей и предательств, был тяжелым и пронизательным. Между ними, через дымный воздух палатки, протянулась незримая нить. С одной стороны — осторожность, проверенная временем, стратегия медленного, но верного давления. С другой — дерзкий, почти циничный план психологической войны, который мог принести быстрый успех, но мог и обернуться грандиозным провалом, если его раскроют.

– Твой отец и дядя, – медленно, растягивая слова, начал Флакк, – в Испании, их сила в умении договариваться. Склонять на свою сторону местных вождей, быть честными партнерами, чье слово — закон. Они строят фундамент на основании верности. Ты же предлагаешь разрушать, обманывать, сеять панику среди врагов. Это иной путь, Сципион.

– Потому что здесь иная ситуация, консул. Испания — земля, которую нужно завоевать для Рима, сделав ее союзницей. Здесь, в Капуе — земля, которая уже была нашей и которая нас предала. С предателями не договариваются, их уничтожают. Делают из них пример, который будет гореть в памяти поколений. Чтобы ни один другой союзник, ни один другой город никогда больше не поднял руку на Рим. Это и есть высшая политика. Милосердие к покорившимся, беспощадность к сопротивляющимся. И Капуя должна быть этим уроком.

– Хорошо, – наконец сказал Флакк. – Твоя идея имеет право на существование. Но это игра с огнем, трибун. Если твоя ложь раскроется, если они поймают наших гонцов и выбьют из них правду, их дух не сломится. Он закалится, как сталь. Они будут драться до последнего, зная, что мы боимся их настолько, что прибегаем к жалкому обману. Риск огромен.

– Я это понимаю, – кивнул Сципион.

– Аппий Клавдий, – повернулся Флакк к коллеге, – с твоей стороны начни демонстративную подготовку. Пусть видят, как ты снимаешь часть палаток, грузишь обозы, строишь манипулы в походные колонны. Создай впечатление, что мы снимаем осаду, чтобы выйти навстречу Ганнибалу. Проверим, клюнут ли они на вылазку. Если да, встретим их и перебьем. А ты, трибун Сципион, займешься своей идеей. У нас есть двое перебежчиков из капуанской знати. Не самые важные, но и не последние. Трусы, готовые на все, чтобы спасти свою шкуру. Но у них

есть связи, семьи в городе. Поговори с ними. Выясни, какие слухи будут для них, для их круга, наиболее убийственными. И найди способ, чтобы эти слухи проникли в город. Но не из наших уст, а из уст их же спасшихся людей. Действуй, я даю тебе разрешение на эту операцию. Но помни: если твоя затея спровоцирует преждевременный, плохо подготовленный штурм из-за ложной надежды на распад врага, если мы потеряем из-за этого хотя бы один лишний легион, отвечать будешь ты лично. Передо мной, перед Сенатом и перед твоими предками. Понятно?

Сципион выпрямился во весь рост.

– Понятно, консул, я не подведу.

– Совещание окончено, – Флакк махнул рукой. – Все по своим местам. Удвоить бдительность на валах. И помните: Ганнибал уже дышит нам в спину.

Перебежчиков держали не в общем загоне для пленных, где толпились беглые рабы и кампанские крестьяне, а в особом, отгороженном частоколом квадрате близ преторианских палаток. Это подчеркивало их мнимую ценность. Охрану несли вспомогательные войска, пеласты из Апулии, чьи лица были бесстрастны, а язык непонятен для кампанцев. Узников было двое, им дали грубые римские плащи, но под ними проглядывали остатки дорогого, хоть и грязного, тонкого льна. Когда Сципион вошел в огороженное пространство, сопровождаемый лишь Марком Фабием и центурионом охраны, оба пленника вскочили. Их движения были нервными, лишенными плавности сытых аристократов. Старший, мужчина сорока пяти лет, с круглым лицом, на котором теперь застыла маска ужаса, был Стаций Меций, из рода, владевшего обширными виноградниками у подножия Везувия. Второй, тридцати лет, тощий, с лихорадочным блеском в глазах и постоянно подрагивающими руками – Овиний, член семьи торговцев шерстью и банкиров, чьи конторы были когда-то и в Риме, и в Капуе, и в Сиракузах.

– Господин трибун, – начал Меций, пытаясь сделать шаг навстречу, но споткнулся о край своего же грязного плаща.

– Сидите, – сказал Сципион, а сам остался стоять, держа шлем под мышкой, позволяя солнечному свету, пробивавшемуся сквозь осенние облака, падать на его полированные поножи и нагрудник. Он был воплощением римской мощи: прямой, без тени сомнений. Игра на контрастах была важна. Они должны чувствовать всю пропасть между своим жалким настоящим и его силой.

– Консул сообщил, что вы готовы содействовать, и это мудро. Рим помнит тех, кто вовремя осознал свою ошибку.

– О, да, господин, – закивал Овиний, его пальцы теребили край плаща. – Мы все осознали. Это было безумие, помрачение. Ганнибал, он нас обманул. Обещал свободу, а принес только рабство и голод.

Сципион позволил себе едва заметную, холодную улыбку.

– Карфагеняне редко приносят что-либо иное. Но сейчас речь не о вашем прозрении, как бы я ему ни радовался. Речь о том, чтобы помочь вашим бывшим согражданам прозреть. Чтобы спасти Капую от полного уничтожения.

Оба перебежчика замерли, в их глазах вспыхнула искра надежды за себя.

– Гарнизон еще силен, – сказал Меций, понизив голос, словно боясь, что из-за частокола подслушают карфагенские шпионы. – Карфагеняне и нумидийцы держат ключевые ворота и арсенал. Капуанские начальники, те, что были за союз с Ганнибалом, они боятся теперь своего народа больше, чем вас. Они знают, что в случае падения города их ждет.

– Их ждет справедливый суд Рима, – бесстрастно закончил за него Сципион. – Но я спрашиваю не о силах гарнизона. Я спрашиваю о духе. Во что верят те, кто за стенами? Что они говорят в куриях, на форуме, в своих постелях?

Овиний и Меций переглянулись.

— Они верят в Ганнибала. Народ ропшет: голод, дети плачут по ночам. Но старейшины, те, кто призвал власть Карфагена, говорят, что надо держаться. Что Ганнибал уже в пути. Что он разобьет ваши армии, как разбивал раньше, и тогда осада снимется сама собой. Что Рим, устав от войны, предложит мир на их условиях.

— Им верят? — мягко спросил Сципион.

— Не все. Особенно те, у кого нет запасов. И те, чьи сыновья погибли, сражаясь за карфагенян в Лукании или Апулии. Но страх сильнее голода. Они боятся карфагенского гарнизона, который может вырезать их, как скот, при малейшем неповиновении. И боятся вас. Они знают, что предали. И ждут мести Рима.

«Metus. Timent ultionem vivorum et iram nostram in altero mundo. Страх, они боятся мести от живущих сейчас и нашего гнева в другом мире», — услышал у себя в голове знакомый голос Сципион, тот голос, который сопровождал его с рождения. Он давно перестал ему удивляться и принимал как неизбежное.

«Вот оно», — подумал Сципион. Страх и будет ключом. Но им нельзя открывать дверь напрямую. Запертый в клетке зверь, загнанный страхом в угол, будет драться насмерть. Нужно превратить страх в нечто иное, в панику. В отчаяние, направленное на саморазрушение. Нужно, чтобы они перестали бояться Рима и начали бояться собственных союзников, собственных вождей, собственного будущего. А главное — чтобы они перестали верить в своего спасителя.

— Предположим, — сказал Сципион, делая вид, что размышляет вслух, — что Ганнибал не придет. Не потому, что не захочет, а потому что не сможет. Предположим, на его пути встали непреодолимые препятствия.

— Какие? — прошептал Меций.

— Наша армия, которую он не может победить, и воля его собственного народа. Карфаген устал от этой долгой войны. Сенат Карфагена видит, что серебро уходит в песок, а победы все нет. Они могут отозвать его. Или лишить поддержки. Оставить его здесь, в Италии, один на один с Римом, с его армией, тающей без подкреплений и денег.

На лицах перебежчиков отразился настоящий, леденящий ужас. Для них это было страшнее, чем слухи о поражении.

— Если бы такие слухи проникли в город, — закончил за него Сципион, — что бы произошло?

— Началась бы резня, — хрипло сказал Меций. — Те, кто всегда был против союза с Карфагеном, поднимут головы. Они накинутся на карфагенский гарнизон. Или карфагеняне, узнав, что их бросили, вырежут знать и откроют ворота, пытаясь купить себе жизнь, или все смешается в кровавой каше. Город сгорит изнутри еще до того, как вы войдете.

— Значит, такие слухи были бы подобны зажженному факелу, брошенному в бочку с сухим порохом, — констатировал Сципион. — Жаль, что они всего лишь слухи. Им никто не поверит, особенно если они дойдут из наших уст.

— Но если... если бы они пришли изнутри? — вдруг выпалил Овиний, и в его глазах вспыхнул азарт заговорщика, смешанный с отчаянием. — Если бы их принесли люди, которых знают, которым верят.

Сципион медленно кивнул, как учитель, довольный сообразительностью не самого способного ученика.

— Именно. Например, если бы гонцы, отправленные вашим советом навстречу Ганнибалу, были бы перехвачены нашей конницей, но чудом бежали и вернулись в город с ужасными вестями. Вестями, которые они подслушали в нашем лагере от пьяных римских офицеров, болтавших о секретных депешах из Карфагена.

— Нас узнают, — простонал Меций, схватившись за голову. — Если мы вернемся, нас казнят как перебежчиков в первый же миг.

— Нет, не вы. У вас же остались люди в городе: слуги, вольноотпущенники, родственники, которым вы доверяете? Те, кто мог бы сыграть роль таких чудом спасшихся. Кто ненавидит карфагенян и винит их во всех бедах.

Овиний задумался.

— Да, у меня есть вольноотпущенник. Филодем, грек. Умен, хитер, предан моей семье. Он остался в городе присматривать за домом и за моей семьей. Он ненавидит Карфаген. Считает их варварами, разрушившими его родные Сиракузы. Ему можно доверить такую игру. Но как передать ему инструкции? Как убедить его, что это не ловушка?

— Вы напишете письма, но не ему, а вашим женам, детям. Полные тоски, заботы, отчаяния. Где вы, скажем, попытаетесь их успокоить. Где вы напишете: «Не верьте ужасным слухам, что ходят в римском лагере, будто Карфаген отказал Ганнибалу. Даже если это правда, он все равно великий полководец». Или: «Я слышал, будто наш флот с зерном из Сицилии потоплен, но наши господа-карфагеняне уверяют, что это ложь». Понимаете, вы будете как будто опровергать слухи. Но семя будет брошено. А ваш вольноотпущенник, умный грек, поймет, что к чему. Или вы в отдельном, тайном знаке дадите ему команду. Он найдет способ сделать эти слухи достоянием улиц. Не от вашего имени. От имени доброжелателя, который подслушал разговор римских офицеров у колодца или в таверне.

Но в их глазах горел огонь спасения, личного спасения. Они были готовы принести в жертву Капую, лишь бы самим выжить и, возможно, урвать кусок из того, что от нее останется. Сципион видел этот огонь и презирал его. Но именно этот огонь делал их идеальными инструментами. Они были олицетворением той самой гнили, что разъела Капую изнутри еще до прихода Ганнибала.

— А что будет с нами? — наконец спросил Меций, и в его голосе слышался тот же мелкий, дрожащий страх, что и в начале.

Сципион посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Взглядом хищника, который решает, оставить ли раненую добычу умирать или добить.

— Если город падет быстро, без долгого и кровавого штурма, который унесет тысячи римских жизней, если его падение будет ускорено вашей помощью, то ваше содействие будет учтено. Вы избежите суда за измену, вам вернут часть конфискованного имущества, и вы сможете жить. Не в Капуре, конечно. Но где-нибудь в Лации, под надзором. Если же город будет взят штурмом после отчаянного сопротивления, тогда вы разделите судьбу всех прочих предателей. А вы знаете, что ждет их.

— Мы сделаем это, — прошептал Овиний, и его тонкие пальцы сжались в кулаки.

— Хорошо, — сказал Сципион. — Продиктуйте письма, я пришлю писца. И подумайте о тайном знаке для вашего вольноотпущенника. Что-то, что он поймет без слов. Скажем, определенный изгиб буквы в вашем имени или упоминание несуществующей семейной реликвии. Завтра на закате мы отправим ваши послания в город.

Марк Фабий, шагавший следом, хмыкнул:

— Крысы, готовы свой город сожрать, лишь бы их шкурки целы были.

— Именно, Марк Фабий, — тихо ответил Сципион, глядя на далекие стены. — И мы используем этих крыс, чтобы прогрызть дыру в стене, которую не берет таран. Запомни, иногда слабость врага — лучшее оружие. И самая опасная слабость — слабость духа.

На следующий день, как и было приказано Флакком, с южной стороны осадного кольца, там, где командовал Аппий Клавдий, началось представление. Грандиозное и тщательно режиссируемое. С высоты северного вала Сципион наблюдал в свой кристаллический бинокль. Это был поразительный спектакль дисциплины и обмана. Легионеры Аппия Клавдия снимали палатки и делали это с видом озабоченной спешки, но без паники. Обозы, телеги, запряженные волами, выстраивались в длинные колонны. Конюхи выводили лошадей и навьючивали их. Дым от костров, на которых якобы готовили походный паек, вился густыми клубами. Мани-

пулы строились в длинные походные колонны по четыре человека в ряд. Знамена, серебряные орлы легионов и манипулярные значки выносились вперед. Со стороны это выглядело как начало масштабного марша. И все это делалось на виду у капуанских стен. Сципион видел, как на башнях и зубцах быстро множились темные точки голов. Весть о приготовлениях римлян должна была молнией облететь весь город. Что они думали там, за стенами? Что Рим, испугавшись приближения Ганнибала, снимает осаду? Или что они наконец выходят дать ему генеральное сражение? И в том, и в другом случае для осажденных это была искра надежды. Значит, Ганнибал близок. Значит, давление вот-вот спадет. Значит, можно продержаться еще немного.

«*Vident, proditores vident et credunt* — Они смотрят, предатели смотрят и верят...» — снова услышал шепот у себя в голове Сципион.

Он знал, что Аппий Клавдий, мастер таких эффектов, наверняка позаботился и о случайных выкриках, которые могли долететь до стен. Криках типа: «Живей, живей! Ганнибал уже у Тифаты» или «Консул приказал быть у реки к вечеру». Все вокруг должно было работать на единую легенду. А вечером, когда сумерки начали сгущаться, окрашивая небо в цвет старого вина и пепла, была запущена вторая часть плана. Лучник, которого Сципион лично отобрал из критских вспомогательных отрядов, был худым, жилистым человеком с лицом, похожим на высушенную кожуру. Его звали Ликос. Он не говорил по-латыни, лишь кивал. Но его мастерство было легендарным. Он мог попасть в яблоко на расстоянии двухсот шагов. А сегодня Публию нужно было, чтобы стрела, тяжелая, с утолщенным, полым наконечником из свинца, пролетела высоко над стеной и упала в определенном квартале, недалеко от дома Овиниев. В свинцовый цилиндр были вложены аккуратно свернутые письма Меция и Овиния к их семьям. Письма, написанные под диктовкой Сципиона и тщательно проверенные на двойные смыслы и случайные оговорки.

Сципион, закутавшись в темный плащ, наблюдал с башни. Рядом стоял Ликос. Лучник долго щупал ветер влажным пальцем, прикидывал расстояние, выбирал стрелу из колчана. Потом, без лишних движений, натянул тугой составной лук, сделанный из рога, дерева и сухожилий. Лук затрещал. Ликос взял поправку на ветер, поднял лук выше. И выпустил. Стрела с тонким свистом рассекла вечерний воздух. Она описала высокую, плавную дугу, черную на фоне багрового заката, и исчезла за зубцами капуанской стены. Ни крика, ни шума не последовало. Она просто растворилась в сгущающихся сумерках чужого города.

«Полетело», — подумал Сципион. Семя брошено в почву, удобренную страхом и голодом. Прорастет ли оно, или его найдут карфагенские патрули и предадут огню, а с ними и наши надежды на быстрый исход осады? Он простоял на башне еще долго, уже после того, как Ликос ушел, и стемнело окончательно. В городе, как и всегда, горели редкие, тусклые огни. Но ему показалось, что в районе, куда упала стрела, на мгновение вспыхнул и погас другой огонек, быстрый, как сигнал. Может, это была просто свеча в окне. А может, знак. Теперь все зависело от воли и хитрости какого-то грека-вольноотпущенника по имени Филодем и от алчной, животной жажды жизни двух предателей, чьи письма теперь были в сердце вражеского города. Сципион повернулся и спустился с башни. Он сделал все, что мог. Остальное было делом времени, случая и той самой хрупкой человеческой природы, которую он только что попытался использовать как рычаг для разрушения целого города.

А где-то в темноте, за пределами двойных римских валов, в холмах Кампании, уже двигалась другая сила. Армия, ведомая человеком, который был мастером игры на тех же самых человеческих слабостях. Два мастера психологической войны, старый и молодой, еще не знали, что их пути уже начали сходиться. И новое поле их незримой дуэли лежало здесь, у стен Капуи, где надежда должна была умереть раньше, чем защитники.

На следующий день после того, как стрела с письмами исчезла за стенами Капуи, над Кампанией установилась странная тишина затаившегося дыхания, подобная той, что наступает в лесу перед появлением хищника. Воздух, обычно наполненный отдаленным гулом двух огромных лагерей и одного умирающего города, словно застыл. Даже птицы, вечные спутники войны, питающиеся на ее отбросах, замолкли или улетели прочь, будто почуяв новый, незнакомый вид опасности. Демонстративные приготовления Аппия Клавдия на южной стороне продолжались с театральной тщательностью, но теперь они обрели новое, двойное назначение: продолжать изощренный обман осажденных и одновременно быть готовыми к реальному, стремительному маршу на случай, если Ганнибал все же решит атаковать именно здесь, решив судьбу осады одним яростным ударом.

Для Публия Корнелия Сципиона осада Капуи стала школой скучного, но невероятно напряженного ожидания. Война, прежде представлявшаяся ему чередой маршей, стычек и битв под открытым небом, свелась к инженерным чертежам, графикам караульной службы, скрупулезной проверке запасов провизии и фуража, и к поддержанию безупречной, словно отточенной дисциплины среди людей, чье главное занятие теперь заключалось в том, чтобы терпеливо, изо дня в день, наблюдать за смертью других. Это была война нервов, воли, выдержки. Война, где победа измерялась глубиной вырытого рва, прочностью бревен частокола и отсутствием пустот в амбарах с зерном. Его сектор ответственности — участок северо-восточного периметра, протянувшийся от пятиугольной башни до редута, прозванного легионерами «Могилей Галла» в память о жестокой ночной стычке здесь год назад, когда отряд галльских наемников из гарнизона едва не прорвал еще не достроенный тогда вал. Шестьсот шагов земли, превращенной человеческим трудом в искусственный обрыв. Под его началом формально находилось две манипулы принципов, около 300 человек каждая, и вспомогательная когорта пелтастов из Апулии, легких пехотинцев, чьи небольшие щиты и дротики были идеальны для метания со стен. Его задача, которую он сформулировал для себя в первый же день, была проста и невероятно сложна одновременно: чтобы на его участке ничего не происходило. Ни прорывов, ни паники, ни ослабления бдительности. Идеальная стабильность как залог общей победы. Каждое утро, еще до того как первые бледные полосы зари окрашивали восток в цвет влажного пепла, он начинал свой обход. Его будил Марк Фабий, его тень и правая рука, уже согретый у небольшого, разрешенного уставами костра воду для умывания и приготовивший грубый хлеб с оливковым маслом и чесноком. Сципион умывался ледяной водой, стегавшей кожу, как напоминание о бодрости, облачался в простую, без отделки льняную тунику, поверх — кольчугу, уже протертую на плечах до блеска, и накидывал плащ. Его шлем с черным гребнем он не надевал, неся его под мышкой — знак того, что трибун на своем посту, но пока не в боевой готовности.

Его сопровождали Марк Фабий и центурион первой манипулы, старый ветеран по имени Спуринна. Его левая рука не сгибалась в локте после давнего ранения, но он мог этой рукой держать щит так, что его не брал ни один дротик. Голос у него был хриплым, похожим на скрип несмазанных колес тяжелой осадной машины.

– Ночью было тихо, трибун, – докладывал Спуринна без тени эмоций, стоя по стойке смирно, но с естественной, небрежной выправкой, которая приходит после тридцати лет в строю. Его маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели куда-то в пространство за спиной Сципиона. – Патрули докладывают, что было два перебежчика. Женщина, лет двадцати, с младенцем на руках, ребенок уже мертвый, не донесла. Сама едва жива, кожа да кости. Мужчина, старик, без левой ноги. Говорит, что свои же выкинули его за ворота, чтобы даром хлеб не жрал. Отправил обоих в лазарет к медикам и к фрументариям на допрос. Больше движений не было. Только шум в городе, похожий на драку, ближе к утру, да огни на стенах тусклее стали. Масло, наверное, экономят.

Сципион кивал, его острый взгляд уже скользил по линии бруствера, выискивая малейшие изъяны: не осыпалась ли где земля под тяжестью частокола, не прогнили ли нижние бревна от сырости, не ослабло ли натяжение веревок, удерживавших подвижные бревна-баллисты, готовые обрушиться на головы штурмующих. Он подходил к часовым, стоявшим через каждые двадцать шагов. Его вопросы были всегда одинаковы, но интонация менялась от строгой до почти отеческой.

— Номер и имя.

— Торий, из Арреция, трибун. Четвертая когорта, вторая манипула.

— Что видел за ночь?

— Огни на стенах, трибун. Сначала у центральных ворот горели ярко, потом к утру почти все потухли. И крики доносились перед самым рассветом. Не боевые, а как дерущиеся псы. Или люди голодные.

— Спал на посту?

— Никак нет, трибун, клянусь Юпитером. — Легионер, юный парень с еще мягкими чертами лица, но уже загрубевшими руками, вытягивался в струнку. Темные круги под глазами выдавали накопившуюся усталость.

— Вижу, приказываю сразу спать, когда сменишься. И ешь свою порцию чечевицы и сала до конца. Не меняй на вино у маркитантов, сколько бы они ни сулили.

— Так точно, трибун!

Затем следовала инспекция смертоносной полосы между двумя валами. Здесь, на утоптанной, лишенной всякой растительности земле, патрулировала легкая конница союзников-кампанцев, тех немногих, что сохранили верность Риму, когда их родина переметнулась к Ганнибалу. Их командиром был пылкий Луций Бовий из Нолы, его лицо всегда было искажено мстительной злобой. Год назад капуанский кавалерийский рейд сжег его родную усадьбу, перебил скот, убил родителей и младшую сестру. Он жил теперь только одной мыслью — возмездия.

— Никакого движения, господин трибун, — докладывал Бовий, его конь беспокойно переступал с ноги на ногу. — Только вороны. Их тьма-тьмущая, как туча. Собираются стаями у нашего внешнего рва и у подножия стены. Чуют падаль. Иногда слышно, как они дерутся из-за чего-то там. — Он кивком указывал на город.

Днем, после утреннего обхода и короткого завтрака с центурионами, где обсуждались текущие проблемы, Сципион погружался в рутину, которая и была сутью затяжной осады. Он принимал отчеты от начальника инженерной службы своего сектора, угрюмого грека из Тарента по имени Деметрий, о состоянии осадных машин. Громадные баллисты, способные метать камни весом в пятьдесят фунтов на триста шагов, требовали постоянного ухода. Торсионы из бычьих жил боялись сырости и пересыхания, деревянные рамы могли перекосяться. Катапульты-скорпионы, точные и смертоносные на короткой дистанции, нуждались в ювелирной настройке. Каждый день Деметрий со своими людьми проверял натяжение, смазывал механизмы смесью жира и воска, заменял треснувшие детали.

Затем проверка работ строителей. Они углубляли и очищали рвы, которые постоянно засыпались ветром и дождем, укрепляли склоны валов плетеными фашинами, ремонтировали мостки и лестницы. Эта работа была изнурительной и опасной, иногда со стен города летели редкие, но меткие стрелы. Сципион лично следил, чтобы у строителей были щиты для прикрытия и чтобы работы велись посменно, без переутомления.

Потом разрешение бесконечных мелких споров: между легионером из Рима и пелтастом из Апулии — из-за места у общего костра; между двумя центурионами — из-за раздела трофеев, добытых в последней вылазке; жалоба маркитантки на то, что солдаты задолжали ей за вино. Каждую ситуацию Сципион разбирал быстро и справедливо, зная, что в условиях осады мелкая обида может перерасти в бунт. Он учился быть здесь воином и администратором,

судьей, отцом-командиром для своих людей. Он также регулярно, раз в два дня, принимал доклады от своих фрументариев — военных разведчиков, внедренных в виде простых легионеров или маркитантов в другие части огромного лагеря, и особенно в лагерь Аппия Клавдия. Они сообщали о настроениях, слухах, о том, как воспринимается его собственная операция высшим командованием и простыми солдатами. Это была сложная сеть, которую Сципион начал плести почти инстинктивно, понимая, что информация — как воздух, которым дышит армия, и этот воздух должен быть чистым и подконтрольным. Иногда, в редкие моменты затишья, он стоял на валу и просто смотрел на город. И тогда сквозь привычный гул лагеря до него доносились звуки из Капуи. Нечто жуткое: коллективный, низкий, протяжный стон, похожий на гудение гигантского улья, где пчелы умирают от голода. Это был звук отчаяния, ставшего фоном существования. Однажды, когда ветер дул с востока, он услышал обрывки какой-то дикой, дисгармоничной песни, в которой не было ни мелодии, ни смысла, лишь хриплое, надрывное выкрикивание слов, оборвавшееся внезапно и перешедшее в звуки жестокой борьбы, вопли и потом тишину. Он никогда не рассказывал об этом никому, но этот звук поселился в нем глубоко, как холодный камень. Но главным, самым коварным противником Сципиона в эти дни была не Капуя, а скука и незаметное разложение, подтачивавшее дисциплину его собственных войск. Бездействие, монотонность караульной службы, отсутствие видимого прогресса — всё это разъедало боевой дух хуже, чем вражеская стрела. Легионеры, привыкшие к тяжелым, но чередующимся маршам, стычкам и громким победам, теперь кисли на одном месте. Их энергия, не находя выхода в бою, обращалась внутрь лагеря. Начались кражи провизии, пьянство, маркитанты, несмотря на запреты, всегда находили способ пронести вино, драки между подразделениями. Появились первые, пока единичные, случаи дезертирства вглубь Кампании в надежде переждать войну, затеряться среди мирных жителей или добраться до своих деревень. С такими Сципион был беспощаден. Пойманных дезертиров, после краткого, но строгого военного трибунала, он в соответствии с законом приговорил к децимации их же центурий. Жестокий ритуал. Собрали всю центурию. Бросили жребий. Каждый десятый, будь он виновен или нет, должен был быть наказан смертью от рук своих же товарищей. Жребий пал на двоих. Их вывели перед строем. Лица их были белы, как мел, но они не плакали, приняв судьбу. Их собственные сослуживцы, со слезами ярости и отчаяния на глазах, забили их насмерть дубинами и камнями. Зрелище было ужасным, унижительным, кровавым, но необходимым. После этой казни в секторе Сципиона воцарилась тишина, а скука и тоска уже не казались такими невыносимыми. Дисциплина снова стала повсеместной.

Сам Сципион в эти дни почти не спал. Четыре, от силы пять часов в сутки. Остальное время он заполнял деятельностью, которая казалась окружающим странной и излишней. Он изучал тактические карты своего участка и общие планы осадных работ, присланные Флакком. Он вел дневник, записывая все: состояние укреплений, настроение солдат, погоду, слухи из города, собственные наблюдения за противником. Он писал длинные, детальные письма в Рим: официальные рапорты консулу и в военную коллегию, но и личные послания друзьям, матери, младшему брату Луцию, своей супруге Эмилии. В этих письмах, написанных четким, энергичным почерком, сквозь суховатые формальности и традиционные пожелания здоровья домашним прорывалась его внутренняя, напряженная работа мысли. Он писал о тягостном, но величественном зрелище римского терпения, о механизме, который, подобно жерновам, медленно, неотвратно, день за днем перемалывает мятежную волю целого народа, о странном, почти мистическом чувстве, что он является не просто командиром, а крошечной, но важной частью гигантского организма — Римской Республики, чья коллективная воля, холодная и целеустремленная, важнее жизни, страхов и сомнений любого отдельного гражданина, включая его самого.

Прошла неделя после отправки стрелы. Никакой явной реакции на письма не последовало. Надежда, которую Сципион пытался отравить, казалось, только окрепла с приближением

Ганнибала. Сомнение начало точить и его самого. Может, письма перехватила карфагенская стража, может, вольноотпущенник Филодем оказался трусом, был схвачен или убит в городской резне. А может, надежда на Ганнибала, этого живого мифа, была настолько сильна, что никакие слухи, никакая логика не могли поколебать ее в сердцах осажденных. Может, его план был наивной затеей юнца, не понимающего глубины человеческого отчаяния и его способности цепляться за любую соломинку.

Это произошло на рассвете. С севера, со стороны горного хребта, по дороге, петляющей среди холмов, примчался один-единственный всадник из конного разведывательного дозора, высланного накануне. Его конь, великолепный галльский мерин, был покрыт белой пеной, ноздри его раздувались кровавыми пузырями, а глаза были полны безумия от страха и усталости. За сто шагов от ворот лагеря животное рухнуло на передние ноги, с громким хрустом сломав их, и испустило предсмертный храп. Всадник, кампанский союзник, был выброшен из седла, но успел сгруппироваться. Он был ранен, в его правом плече торчал обломок легкого нумидийского дротика. Лицо его было исцарапано ветками, одежда порвана. Его едва держали на ногах, когда дежурный центурион привел его к палатке Флакка, куда уже спешно вызвали Сципиона и других старших офицеров. Консул Флакк, не спавший, судя по виду, уже несколько ночей, стоял, опершись руками о стол с картой. Аппий Клавдий только что прибыл из южного лагеря, его плащ был забрызган грязью. Разведчик, которому дали глоток вина, заговорил, хрипя и сплевывая кровь.

– Он здесь, Ганнибал здесь. Весь лагерь как муравейник растревоженный. В пяти милях к северо-востоку. У большого брода через Вултурн. Разбивает лагерь, но не обычный, а походный, легкий. Палатки не ставят, только насыпают вал, готовятся к движению. Видел его знамя и его самого. Он объезжал строй, его все узнают, даже на расстоянии.

Игра, наконец, начиналась. Ганнибал не прятался, не маневрировал в тени. Он вышел на свет. Он показывал себя открыто, вызывающе, как маг, демонстрирующий фокус, в котором все знают о ловкости рук, но не могут ей противостоять.

– Численность, орудия, слоны? – коротко, отрывисто спросил Флакк.

– Все силы, все, что у него есть здесь, в Кампании. Пехота в боевом порядке, конница на флангах. Слонов видел трех, может, четырех в центре. Осадных машин не видел, только походные обозы. Они не собираются долго стоять.

– Он хочет, чтобы мы его видели, – сказал Аппий Клавдий, его пальцы нервно забарабанили по эфесу его парадного меча с рукоятью из слоновой кости. – Он не прячется, выходит на арену и вызывает нас. Он хочет, чтобы мы знали, что он близко. Что он здесь, у нашего порога.

– Наш план остается в силе, – голос Флакка был тверд. – Никаких вылазок, никаких ответных провокаций. Усилить наблюдение на внешнем валу, удвоить караулы. Привести все машины в полную боевую готовность и ждать его хода.

Но ждать пришлось недолго. К полудню, когда солнце стояло в зените, наполняя воздух тяжелым, неподвижным зноем, с городских стен донесся необычный, нарастающий шум, гулкий рокот, похожий на шум прибоя, но рожденный тысячами человеческих глоток. Сципион, находившийся на своей командной башне, схватил бинокль из полированного горного хрусталя, редкую и дорогую греческую диковинку, подаренную отцом. И увидел все. На внутренней стороне стены, напротив его участка, на широкой обходной галерее, собралась огромная, плотная масса людей. Это были не солдаты в доспехах. Это были горожане: мужчины в изодранных туниках, женщины с распущенными волосами, держащие на руках или за руки полуголых, исхудалых детей. Они стояли, теснясь, и смотрели на северо-восток, туда, где, как они теперь наверняка знали, ведь вести в осажденном городе распространялись с быстротой чумы, стоял их избавитель, их карфагенский Мессия. И оттуда, с равнины, ветер, капризный посредник, донес едва слышные, но отчетливо узнаваемые звуки: резкие, пронзительные звуки карфагенских боевых рогов, трубный рев слонов и далекий, мерный гул тысяч шагов.

Надежда, которую Сципион пытался отравить своими письмами, была все еще жива. Она расцвела пышным, ядовитым, почти истеричным цветом. Он видел в линзы, как люди на стенах простирали исхудалые руки к горизонту, как некоторые падали на колени, воздевая руки к небу в немой мольбе или благодарности, как карфагенские часовые на башнях, до этого дня стоявшие мрачные, угрюмые и напряженные, теперь выпрямились во весь рост, с высоко поднятыми головами. Они перебрасывались короткими репликами, и даже на расстоянии Сципиону показалось, что он видит улыбки на их лицах. Весть о физическом приближении Ганнибала вдохнула в умирающий, разлагающийся город призрачную жизнь. Агония сменилась экстазом ожидания. И в этот самый момент, когда коллективное напряжение на стенах достигло своего пика, с южной стороны города, от лагеря Аппия Клавдия, раздался оглушительный грохот и боевые кличи. Аппий Клавдий, следуя заранее согласованному плану, начал свою атаку. Вернее, грандиозную, тщательно срежиссированную демонстрацию силы и агрессии. Его легионеры плотными рядами выстроились перед своим участком, били мечами о щиты, создавая оглушительный, ритмичный грохот, и ревели боевые песни. Десяток самых больших баллист и два десятка скорпионов произвели несколько залпов по пустому, заранее намеченному участку стены у юго-восточных ворот. Камни и тяжелые болты с воем рассекали воздух и вгрызались в древний туф, поднимая тучи пыли, щебня и обломков.

Со стороны это выглядело как начало полномасштабного, яростного генерального штурма. И капуанцы, их командиры, их карфагенские советники — все клюнули на эту наживку. Логика жителей Капуи была простой и понятной: Ганнибал отвлекает римлян с севера, римляне, пытаясь упредить его, бросаются на штурм, чтобы взять город до подхода армии спасения. Значит, нужно не просто обороняться, а контратаковать, прорвать кольцо в том месте, где римляне, по их мнению, наиболее уязвимы — там, где они отвлеклись на штурм. С грохотом, который Сципион слышал даже на своем участке, распахнулись массивные двустворчатые ворота в юго-восточном углу, что выходили на дорогу к верной Риму Ноле. И из них, как гной из вскрывшегося нарыва, хлынул поток. Это было не регулярное войско, а сброд: ополченцы в рваных, самодельных доспехах из кожи и дерева, вооруженные косами, топорами, старыми ржавыми мечами. Среди них — ядро из карфагенских наемников-ливийцев, опытных, жестоких бойцов в своих характерных остроконечных шлемах и с длинными копьями. Они рвались прорвать внешнее кольцо, пробить коридор, соединиться с Ганнибалом или, по крайней мере, расчистить ему путь, посеять панику и хаос в римских рядах. Это была отчаянная, почти самоубийственная атака людей, поверивших, что час их спасения пробил. Но именно поэтому она была и яростной, фанатичной. Защитники южного вала, готовые к такому развитию событий, встретили их холодной жестокостью. Первый залп пилумов и стрел скошил передние ряды. Но те, кто был сзади, шли по телам своих же товарищей, не останавливаясь. Они достигли рва, начали забрасывать его фашинами, телами, всем, что попадалось под руку. Завязалась жестокая, кровавая рукопашная схватка прямо на гребне вала и перед ним. Аппий Клавдий, вместо того чтобы быстро отбросить их и захлопнуть ворота, намеренно дал бою затянуться, втянув в эту мясорубку все новые и новые силы капуанцев, высасывая из города его последние резервы и его последнюю надежду. Сципион, наблюдая со своей башни в бинокль, видел весь циничный и гениальный замысел, продуманный в штабе войск Рима. Нужно было дать выход этому отчаянному, слепому порыву осажденных, позволить им истечь кровью в этой четко подготовленной ловушке. И одновременно показать Ганнибалу, наблюдающему с равнины, что римляне связаны серьезным боем, что их внимание приковано к городу, что они не могут быстро и организованно среагировать на его маневр. Это была игра в три стороны: Рим, Капуя, Ганнибал. И каждый думал, что переигрывает других.

Бой на южном участке длился несколько долгих, кровавых часов. Крики сражающихся, звон железа, треск ломающихся щитов, рев слонов Ганнибала с равнины (он, видимо, тоже начал демонстративное движение, подходя ближе) — все сливалось в одну оглушительную,

безумную симфонию войны. Сципион видел, как толпа на стенах перед ним металась от ликования к ужасу. Они видели бой, слышали его шум, но не могли разглядеть исхода. Их надежда, только что взлетевшая до небес, теперь висела на волоске, раскачиваясь между победой и гибелью. На их лицах в линзы бинокля он видел смесь экстаза, страха, мольбы и ярости. К вечеру, когда солнце клонилось к горам, окрашивая небо в багровые и лиловые тона, все стихло. Вылазка была отбита с чудовищными, невосполнимыми потерями для капуанцев. Перед рвом и на его склонах лежали груды тел — сотни, тысячи. Немногие уцелевшие, искалеченные, окровавленные, откатились за ворота, которые с грохотом захлопнулись за ними, отрезая отступление для тех, кто еще оставался снаружи. Но и римляне понесли чувствительные потери. Ганнибал же, сделав несколько угрожающих движений в сторону римских укреплений, как бы оценивая их прочность, внезапно остановил свое продвижение и стал разбивать уже основательный лагерь, теперь уже всего в двух милях от внешнего рва.

Наступила ночь. Самая длинная, самая тревожная ночь за все время осады. В римском лагере никто не спал. Все, от консула до последнего легионера, понимали: завтра Ганнибал попытается что-то предпринять. Настоящее, решающее. Ветер доносил звуки из его лагеря: ржание коней, окрики на их языке, мерный стук молотков, забивавших колья частокола. Это был звук близкой, неизбежной бури. А в городе, как доложили Сципиону его лазутчики, просочившиеся назад через линии с наступлением темноты, началось нечто странное и многообещающее. Среди ночи, в квартале ремесленников недалеко от форума и дома Овиниев, вспыхнули беспорядки. Говорили, будто группа горожан, вооруженная чем попало, напала на небольшой отряд карфагенян из гарнизона, охранявших один из последних официальных складов с зерном. Бой был коротким, жестоким и беспощадным. Карфагенян, человек пятнадцать, перебили всех до одного. Склад разграбили дочи́ста. А потом, словно испугавшись содеянного и его возможных последствий, зачинщики скрылись в лабиринте узких улочек. Но искра была брошена. И по городу, как масло по воде, поползли слухи. Темные, противоречивые, ужасные. Будто карфагеняне сами собирались отравить общественные колодцы, чтобы сократить число ртов. Будто они уже получали тайные приказы из своего лагеря готовиться к капитуляции и выторговывать свою жизнь ценой сдачи города. Будто Ганнибал не собирается штурмовать римские валы. У него другая, страшная цель, и Капуя для него уже разменная монета, которую он готов бросить на кон. Семя, брошенное Сципионом, его письма с их ядовитыми опровержениями дали первый, хищный, ядовитый росток — разъедающее сомнение, беспокойство, которое разъединяет союзников и превращает их в подозрительных врагов. Город, вдохнувший днем лихорадочную надежду, ночью начал тихо, неумолимо разлагаться изнутри, как плод, в который проник червь.

Сципион не спал эту ночь. Он стоял на валу своего участка, опираясь на деревянные зубцы частокола, и вглядывался в непроглядную темноту, где в двух милях мерцали бесчисленные огни карфагенского лагеря, словно земная, призрачная копия звездного неба, упавшая на холмы Кампании. Он думал о Ганнибале: что он планирует на завтра? Прямой, яростный удар по внешнему валу, используя ярость слонов и отчаянную храбрость своих ветеранов? Или что-то более хитрое, более изощренное, что они все упустили из виду?

На рассвете, когда серый свет только начал растекаться по равнине, разведчики и наблюдатели на самых высоких башнях донесли: карфагенский лагерь пуст. Совершенно пуст. Ганнибал снялся с позиции в полной тишине и темноте и двинулся в неизвестном направлении. Его армия, обнаруженная потом конными разъездами, двигалась на северо-восток. Быстро, походным маршем, без лишних обозов, налегке. Пыль от десятков тысяч ног и копыт стояла над равниной длинным, низким облаком, хорошо видимым в утренних лучах.

Первой реакцией в штабной палатке Флакка, куда снова сбежались офицеры, было глубокое, почти ошеломленное недоумение. В Кампании не было других значимых целей, достой-

ных такой армии. Нола была хорошо укреплена, имела сильный римский гарнизон и уже дважды отбивала атаки Ганнибала. Кумы — незначительный городок. Беневент слишком далеко и не имеет стратегического значения в контексте осады Капуи.

— Он уходит, — произнес Аппий Клавдий, и в его голосе, помимо облегчения, звучала горькая нота разочарования. — Он признает поражение, признает, что не может справиться с нашими укреплениями. Он уводит армию на зимние квартиры в Апулию или Луканию. Осада спасена, и Капуя падет сама собой.

Но Сципион, который стоял у стола с большой картой Италии, приколотой к деревянной раме, почувствовал внезапный, ледяной укол, а потом тяжелую, свинцовую волну, накатившую из глубины сознания. Его глаза, привыкшие читать карты, проследили возможный маршрут. На северо-восток, к Аппиевой дороге, а затем к Латинской дороге. А там прямая, как стрела, вымощенная камнем дорога, ведущая через Лаций прямо к сердцу Республики. Его палец сам лег на карту, пополз от значка Капуи, миновал Калатию, Теан, перескочил через горы и лег на маленький, но отчетливый значок в виде волчицы, вскармливающей двух младенцев.

— Он не просто уходит, — тихо сказал Сципион. — Он идет к Риму.

В палатке на секунду воцарилась тишина, которую затем взорвали хором голоса, возгласы недоверия, насмешек, ужаса, отрицания.

— Это безумие, Рим за сотни миль. Его армия истощена долгими кампаниями. Он не сможет взять Рим. Стены Рима неприступны. У него нет осадных машин.

— Но он может опустошить Лаций. Дойти до самых ворот. Угрожать самому городу, вызвать панику.

Флакк резким, рубящим жестом потребовал тишины.

— Трибун Сципион, — сказал он, и его хриплый голос резал воздух. — Обоснуй свои слова быстро и четко.

Сципион оторвался от карты, его лицо было сосредоточенным, почти отрешенным. Он говорил, глядя в пространство, формулируя мысли, которые уже складывались в его голове в единую картину.

— Он не собирается брать Рим штурмом. У него нет для этого ни сил, ни времени, ни машин. Он собирается его осадить. Вернее, сделать вид, что осаждает. Создать видимость осады. Его цель не город, консул, его цель — мы. Он знает нашу психологию. Он знает ее, как рыбацкая знает повадки рыбы. Он знает, что для римлянина, для каждого из нас, связанного с Римом, нет и не может быть ничего священнее города. Что это сердце, душа, алтарь всех богов. Что при одной мысли об угрозе ему любой приказ, любая стратегия, любая дисциплина летят в прах, уступая место одному-единственному, животному инстинкту — защитить гнездо. Он хочет, чтобы мы сорвались с места. Чтобы мы, забыв про Капую, забыв про все, бросились наперерез, чтобы спасти нашу столицу. И тогда он развернется. И ударит по нам на марше, на открытой местности, где его конница и слоны будут иметь полное преимущество. Или, если мы все-таки уйдем, ослабив кольцо, он вернется, снимет осаду с Капуи, вгонит в город припасы, укрепит гарнизон и вернет себе все, чего добился за эти годы, и даже больше. Это гениально и это чертовски опасно. Он бьет не по нашим легионам, а по нашему разуму, по нашей вере.

Картина, нарисованная молодым трибуном, была логичной. Она объясняла все: стремительный марш, отсутствие обоза, направление.

— Значит, мы не двигаемся с места, — сказал Флакк.

— Консул! — вскочил один из легатов, представитель старинного патрицианского рода Валериев, его лицо пылало. — Мы не можем игнорировать угрозу Риму. Если Ганнибал появится под стенами, а нас там не будет, нас проклянут как предателей и трусов. Сенат никогда не простит. Народ растерзает наши семьи. Мы должны отправиться следом.

— Сенат и диктатор дали нам четкий приказ — взять Капую, — согласился с Флакком Аппий Клавдий, но и в его тоне не было уверенности. Он понимал разницу между личной

храбростью на поле боя и страшной политической ответственностью за возможное разорение родного города, за позор, который ляжет на всех них.

Споры бушевали, а тем временем гонцы от передовых конных дозоров приносили все новые подтверждения: Ганнибал идет по Латинской дороге. Быстро, как буря. Его авангард из нумидийской конницы уже миновал Теан. До Рима меньше десяти дней форсированного марша для такой армии. Вести, как лесной пожар, распространились по всему лагерю. Началось брожение, глухое, опасное. Легионеры — большинство из них были итальянцами, и многие, особенно старшие центурионы и трибуны, были римскими гражданами — волновались, собирались в кучки, говорили вполголоса. Они слышали страшные рассказы о Каннах, о Тразимене. Они знали, что Ганнибал — чародей, колдун, способный на невозможное. Что если он и вправду возьмет Рим? Что тогда будет с их домами, семьями, алтарями домашних богов, с их маленькими участками земли за стенами? Что будет с самой Республикой?

Сципион, вернувшись на свой участок после совета, видел эту яростную тревогу в глазах своих людей. Даже непоколебимый, как скала, центурион Спурина подошел к нему, когда они остались одни у полевого кузнечного горна, где чинили доспехи.

– Правда, трибун? – спросил старый солдат, понизив голос. – Он идет на Рим?

– Правда, Спурина, – ответил Сципион, глядя ему прямо в глаза. – Он идет на наш Рим.

– И что будем делать?

– Что прикажет консул. А консул, я думаю, прикажет оставаться. Держать строй. Доводить начатое до конца.

Спурина долго смотрел на него своими стальными глазами, потом медленно кивнул.

– Тяжелый приказ, очень тяжелый. Но приказ есть приказ. Скажу своим: дисциплина прежде всего. Кто дрогнет, тому я лично глотку перережу.

Сципион похлопал его по здоровому плечу. В этой простой, грубой верности был залог порядка. Он отдал приказ удвоить караулы и быть готовым к любой провокации со стороны города, который наверняка тоже уже знал о головокружительном маневре Ганнибала и мог попытаться вырваться, почувствовав слабину, замешательство в римских рядах.

Через несколько дней пришло официальное, срочное сообщение от сената Рима. Гонец, покрытый пылью и едва державшийся в седле от усталости, был немедленно доставлен к Флакку и зачитал свиток перед собравшимися офицерами. Слова, которые он произнес, звучали так, будто их говорил сам Капитолийский холм: «Консулам Квинту Фульвию Флакку и Аппию Клавдию Пульхру, командующим осадными армиями под Капуей. Сенат и народ Рима знают о маневре врага. В городе достаточно войск для обороны. Стены укреплены, запасы есть, дух граждан непоколебим. Ваша задача – Капуя. Не отвлекайтесь на призрачные угрозы. Пусть Ганнибал бродит по Италии. Вы должны сделать свое дело. Осада должна быть продолжена и доведена до конца. Таков приказ Сената и воля Рима».

Документ был коротким, сухим, лишенным всякой риторики и эмоций. Никаких призывов к патриотизму, никаких упреков, никаких похвал. Просто констатация фактов и четкий приказ. Но в его грубой простоте была сокрушительная сила. Это было исповедание веры. Вера в то, что стены и жители Рима сильнее любого врага, сильнее любого страха. Что истинная защита Рима не в том, чтобы метаться, как перепуганное стадо, за каждым вражеским отрядом, а в том, чтобы неуклонно, с железным терпением, выполнять свой долг там, где тебя поставила Республика.

Флакк, выслушав послание, медленно поднял голову и обвел взглядом собравшихся. Все следы сомнений, усталости, внутренней борьбы исчезли с его лица.

– Вы слышали: осада продолжается. Мы не двинемся отсюда ни на пядь. Ни шагу назад. Ни один легион, ни одна манипула не покинет своих позиций. Приготовиться к любым действиям со стороны города и ждать.

Это решение, подкрепленное волей Сената, потребовало от всех офицеров нечеловеческой силы воли. Паника в войсках не утихла мгновенно, страх за свои семьи не прошел, но авторитет Сената, переданный через этот приказ, подействовал на солдат и командиров, как ушат ледяной воды. Рим сказал: держитесь, и они должны были держаться, должны были верить.

Для Сципиона это был урок, что истинная мощь заключается не в количестве легионов, а в силе духа и в доверии. Рим доверял своим полководцам, держащим врага за горло под Капуей, а полководцы и солдаты доверяли Риму, что он выстоит без них. И это взаимное доверие, эта сплоченность системы, оказались сильнее страха перед Ганнибалом, сильнее его слонов и ливийской пехоты.

После стремительного марша Ганнибал подошел к окрестностям Рима; карфагеняне стали угрожать городу штурмом, но Ганнибал, как и предполагал Публий, не стал осаждать Рим. Через некоторое время весть о том, что карфагенский полководец, не добившись ни паники, ни капитуляции римской армии, снял осаду Рима и ушел на юг, в Апулию, достигла Капуи. Город, уже доведенный до последней черты голодом, болезнями и внутренней резней, получил свой смертельный удар. Последняя надежда, державшая на плаву жалкие обломки воли к сопротивлению, испарилась, оставив после себя только ужас перед неизбежным. В лагере римлян царила атмосфера сосредоточенной, холодной готовности. Приказ Сената укрепил дух. Теперь каждый легионер, каждый союзник понимал: они — острие карающего меча Республики.

Сципион, наблюдая с вала, стал свидетелем последних судорог великого города. Низкий коллективный гул отчаяния сменился сначала оглушительной, хаотичной какофонией криков, потом — периодами жуткой, гробовой тишины, прерываемой отдельными отчаянными взрывами ярости где-то в глубине кварталов. Дым, поднимавшийся над Капуей, был теперь от пожаров. Горели дома знати, подозреваемой в сговоре с карфагенянами, горели склады, уже пустые. После ухода Ганнибала, на рассвете, когда туман стелился над рвами, на главных воротах, обращенных к лагерю Флакка, появилось необычное зрелище. На самой высокой башне над воротами медленно поднялся грубый шест, и на нем закачалась, безмолвная и красноречивая, связка из трех предметов: пустая кольчуга карфагенского наемника, скипетр городского претора Капуи и пучок сухой, переломленной пополам пшеницы. Это был универсальный древний сигнал: военная власть сломлена, гражданская власть капитулирует, запасы истощены. Город просил пощады. В римском лагере сигнал поняли мгновенно. Но реакции не последовало ни сразу, ни через час — римляне молчали. Переговоры начались лишь на следующий день. Из города вышли парламентарии. Не гордые сенаторы в тогах, как можно было бы ожидать, а жалкая, дрожащая процессия: двое священников в запачканных ритуальных одеждах, неся перед собой ветви священного лавра, и за ними несколько стариков, членов городского совета, на чьих лицах застыл такой ужас, что даже выдавшие виды римские ветераны отворачивались. Их провели с завязанными глазами через лабиринт укреплений в палатку консула Флакка. Сципион не участвовал в переговорах. Но он стоял неподалеку, среди других старших офицеров, и видел, как эти сломленные люди вошли, а через несколько часов вышли, но уже не с завязанными глазами. Их вели к выходу из лагеря, и по их походке, по тому, как они, не сговариваясь, останавливались и беспомощно огляделись, будто не узнавая собственного города, было ясно, что условия Рима были беспощадны. Безусловная сдача, никаких обсуждений. Город и все в нем находящееся переходит в собственность римского народа. Выдача виновных: в течение трех дней должны быть выданы все карфагенские военные и гражданские чиновники, все капуанские магистраты и сенаторы, голосовавшие за союз с Ганнибалом, а также все командиры ополчения. Сдача оружия и казны: все оружие, доспехи, осадные машины, а также остатки город-

ской казни и ценности должны быть сложены у ворот. Роспуск города: Капуя лишалась статуса города самоуправления, своего сената, своих законов. Ее территория аннексировалась, население лишалось гражданских прав. Наказание: суд над выданными предателями будет проведен римским военным трибуналом. Остальное население будет подвергнуто казни — каждого десятого взрослого мужчины. Женщины и дети обращались в рабство и подлежали продаже с аукциона. Это была гражданская смерть, стирание с карты не только как политического субъекта, но и как культурной общности. Рим демонстрировал Италии и миру: предательство будет искоренено с корнем. На месте цветущего города должна остаться лишь пугающая легенда и груды камней.

Сципион слушал, и внутри него боролись два чувства. Как воин и римлянин, он понимал железную логику этого решения. После Канн, после десяти лет страданий и унижений, Республика должна была продемонстрировать абсолютную, не знающую снисхождения мощь. Страх перед подобной карой должен был навсегда отбить у других союзников охоту к мятежу. Это была политика устрашения, основанная на холодном расчете. Она была необходима. Он это видел разумом. Но как человек, мыслящий на шаг вперед, он чувствовал беспокойство. Где-то в глубине души, за холодным камнем ненависти к предателям, шевелился вопрос: а что посеешь такой жестокостью? Только ли покорность или также вечную, передающуюся из поколения в поколение ненависть? Капуя была не варварским поселением. Это был культурный центр. Уничтожив его так тотально, не превращают ли они его в вечную незаживающую рану на теле Италии? Он вспоминал рассказы отца об Испании, о том, что прочность власти зависит не только от страха, но и от лояльности, от выгоды, которую эта власть дает. «Управлять можно страхом, но созидать — только согласием», — говорил как-то его отец. Он пока не имел права голоса. Он был лишь трибуном, и его долг — исполнять приказ и наблюдать.

Три дня, отведенные на выполнение условий, стали временем, когда ад внутри города вырвался наружу. Это была уже не борьба за жизнь, а охота. Охота одних на других под прищотом безразличных римских часовых на стенах. Карфагенский гарнизон, поняв, что его собираются выдать, попытался дать последний бой. Небольшие группы ливийцев и нумидийцев сражались насмерть в узких улочках против бывших союзников-капуанцев, которые, стремясь выслужиться, набрасывались на них с яростью отчаяния. Но большинство карфагенян, особенно командиры, предпочли покончить с собой, не желая позорной казни. Их тела позже находили в подвалах и храмах.

Капуанская знать оказалась в ловушке собственных домов. Многие были растерзаны толпой, которую они же когда-то обрекли на голод. Других, в цепях и под охраной родственников, надевавшихся спасти таким образом себя, выводили к воротам. Это были жалкие, сломленные люди в грязных, когда-то дорогих одеждах. Их глаза были пусты, в них не осталось ни гордости, ни даже страха, только покорность судьбе.

На четвертый день римские войска вошли в город для церемониального принятия капитуляции и наведения порядка. Легионы строились на главных улицах и форуме, образуя живой, непроницаемый коридор. Повсюду валялись неубранные трупы, следы пожаров и резни. Церемония состоялась на форуме Капуи, у подножия храма Юпитера, который теперь был осквернен и разграблен. Консулы Флакк и Аппий Клавдий восседали на курульных креслах, привезенных из лагеря. Перед ними на коленях, положив на землю оружие и знаки своей власти, лежали последние магистраты города. Старейший из них дрожащим голосом прочел формулу капитуляции, признавая верховную власть Рима и умоляя о милосердии.

Флакк, не вставая, произнес краткую, леденящую речь:

— Рим дал вам союз, защиту, законы и процветание. Вы ответили ему железом, огнем и предательством в самый тяжелый час. Вы преклонили колени перед чужеземным врагом, поправ священные клятвы. Не милосердия вы заслуживаете, а кары. И кара будет совершена во всей полноте, дабы ни один город, ни один народ от Тирренского моря до Адриатики более не дерзнул поднять руку на Вечный город. Да будет так. Затем началась техническая часть: зачитывались списки выданных военных преступников. Их разделяли на группы. Карфагенян, немногих оставшихся в живых, тут же, на форуме, приговорили к распятию. Их увели за стены, к уже приготовленным крестам, выстроившимся вдоль Аппиевой дороги на многие мили. Это было послание всем, кто будет проезжать мимо.

С капуанской знатью поступили гуманнее, в соответствии с римскими представлениями о чести. Им был предоставлен выбор: публичная казнь через удушение в тюрьме или право на самоубийство. Большинство выбрало последнее. Им выдавали короткие мечи. Некоторые воспользовались ими тут же, на форуме, падая к ногам римских консулов. Других уводили в опустевшие дома, где они сводили счеты с жизнью в относительном уединении.

Сципион наблюдал за этой чудовищной, размеренной процессией смерти. Он видел, как Аппий Клавдий смотрел на всё с мрачным удовлетворением, а Флакк — с усталой серьезностью. Это была их работа, работа палачей Республики. Затем пришла очередь остального населения. Всех жителей — мужчин, женщин, детей — согнали на обширное поле за городом. Легионеры с факелами и табличками проводили жеребьевку. Каждый десятый взрослый мужчина, независимо от его вины, вытаскивал черную метку. Их отделяли от семей под душераздирающие крики женщин и детей. Этих несчастных, часто ничего не понимающих стариков, юношей, отцов семейств, построили в шеренги и казнили дубинами. Это был древний, варварский ритуал коллективного наказания, призванный унижить, стереть всякое достоинство. Звук ударов по живой плоти, хруст костей, короткие, обрывающиеся вопли — даже закаленные легионеры, исполнявшие приказ, делали это с бледными, искаженными отвращением лицами. Оставшихся в живых мужчин, теперь уже не граждан, а просто жителей, клеймили раскаленным железом на плече буквами «КАП» (от названия города Капуя) и делили на партии для продажи работоторговцам, которые уже стекались со всей Италии, как стервятники. Женщин и детей ждала та же участь.

Сципион видел, как мать, прижимающая к груди плачущего ребенка, с немим укором смотрела на него, римского офицера. В ее взгляде была пустота, которую оставляет после себя абсолютное, бесповоротное зло. Он отвернулся и не мог больше смотреть. Он был свидетелем этой кары и запомнил этот день на всю жизнь.

В последующие дни, пока лагерь сворачивался, а легионы готовились к маршу — часть в Рим, часть на другие театры войны, — Сципион почти ни с кем не общался. Он выполнял свои обязанности по роспуску своего сектора, отчетам, но делал это автоматически. Его мысли были заняты переосмыслением всего, что он увидел и пережил. Капуя стала для него страшным эпизодом войны, и он извлек из нее уроки. Он уединялся в своей палатке, которая уже стояла полуразобранной, и записывал личные заметки. Победа — не всегда блестящая атака, ловкая засада или громкое сражение. Чаще всего победа — это просто не уйти, не сойти с позиции. Не поддаться на провокацию. Не дрогнуть, когда враг бьет по самому больному. Флакк и сенат показали это. Они превратили время и пространство в союзников. Они заставили Ганнибала, мастера быстрых побед, играть в их игру — игру на истощение. И он проиграл. Терпение — это не слабость, это сталь, закаленная в неподвижности. Ганнибал — гений диверсии. Он бьет не по армии, а по разуму, по нервам, по страхам. Его марш на Рим был гениальным ударом по психике. Но он сработал бы, если бы мы играли по его правилам. Нельзя позволять врагу

выбирать поле, время и характер битвы. Нужно навязать ему свою волю, даже если это означает выглядеть трусом или бездушным монстром в глазах некоторых. Цель оправдывает средства, но только если цель — конечная победа, а не сиюминутный эмоциональный ответ. Рим показал миру парадокс: чтобы защитить сердце, не обязательно сжимать кулак у груди. Можно вытянуть руку и продолжать душить врага за горло. Сила Рима не в стенах, она в непоколебимости сената, который не отозвал войска. В дисциплине легионов, которые остались под Капуей. В доверии народа, который поверил, что город выстоит. Центр силы — это идея, воплощенная в действии множества людей, верящих в общее дело. Полководец должен быть не просто защитником земли, но хранителем этой идеи и этого доверия. Капуя — вечный урок для всех союзников Ганнибала. Он блестяще завоевывал их, но оказался неспособен защитить. Он использовал их как ресурс, а не как опору. Его сила — в тактике, его слабость — в стратегии удержания власти. Он не построил систему, он эксплуатировал момент. В будущем, сталкиваясь с врагом, имеющим союзников, нужно помнить: их можно не только победить, но и переманить. Нужно показать им не только жестокость за сопротивление, как здесь, но и щедрость, безопасность, выгоду за переход на свою сторону. Капуя должна устрашать. Но другие города должны видеть альтернативу. Жестокость — необходимый инструмент, но пользоваться им нужно точечно, против упорствующих лидеров. Народ же нужно привлекать. Иначе война никогда не кончится. То, что он видел на поле казней, — это необходимая жестокость. Но она оставляет после себя выжженную землю, полную соли. Да, здесь больше никогда не восстанут. Но здесь и никогда ничего не вырастет для Рима. Только ненависть, глухая и вечная, уйдет в подполье, в легенды, в песни. Управлять страхом можно. Но строить на страхе нельзя. Когда-нибудь, если ему доверят власть, он должен будет найти баланс. Беспощадность к тем, кто не сдается, но милосердие — истинное, стратегическое милосердие — к тем, кто сложил оружие. Чтобы победа была не только концом войны, но и началом мира. Мира, который будет прочен, потому что основан не только на страхе, но и на выгоде, на законе, на римском мире, который несет порядок, а не только меч. В этих размышлениях юный военный трибун, участник осады, умирал. Рождался зрелый стратег, будущий полководец.

За несколько дней до окончательного выступления лагеря, вечером, когда последние лучи солнца уже окрашивали дым над разоренной Капуей в кроваво-золотые тона, в лагерь прибыл еще один курьер. Он прискакал с запада, из портовой Массилии, и был направлен лично военному трибуну Публию Корнелию Сципиону. Курьер, запыленный и серьезный, вручил Сципиону небольшой, но тяжелый ларец из кипарисового дерева, опечатанный воском с оттиском личной печати его отца. В голове возникли два закономерных вопроса: почему не через официальные каналы и почему так тайно? Он отпустил курьера, велел Марку Фабию никого не впускать, и в одиночестве, при свете единственной масляной лампы, вскрыл печать. Внутри, на слое сухой шерсти, лежали две вещи. Первая — свернутый в трубку тонкий лист папируса, исписанный мелким, нервным, чужим почерком. Вторая — железный перстень с печаткой его отца. Публий развернул папирус; оно начиналось с традиционных приветствий, но уже со второго абзаца Публий перестал дышать: «...и потому, Публий, с величайшей скорбью и тяжестью в душе я должен сообщить тебе вести, которые уже, боюсь, достигли Рима иными путями, но которые я обязан передать тебе напрямую, дабы ты не узнал о сем из уст чужих и неискренних...»

Дальше текст расплывался перед глазами, он читал, но слова не складывались в смысл:

«...армии проконсулов Публия и Гнея Корнелиев Сципионов были завлечены в ловушку из-за предательства местных племен, оба войска были разгромлены наголову, потери огромны, сам проконсул Публий Корнелий Сципион пал в бою, сражаясь в первых рядах, пытаясь выве-

сти своих людей из окружения, твой дядя Гней Сципион позже выступил с мстительной операцией, но был ранен, захвачен в плен и позднее казнен, остатки наших сил удерживают лишь небольшой плацдарм к северу от Ибера. Испания, по сути, потеряна...»

Папирус выпал из его рук и мягко опустился на земляной пол палатки. Публий не двинулся. Он сидел, уставившись в пустоту перед собой. Он не чувствовал горя, не чувствовал боли, только пустоту, в которую рухнул весь его мир. Отец и дядя — опоры рода. Его герои, его пример — погибли в грязной, коварной ловушке, брошенные теми, кого они защищали. Преданные, как Капуя предала Рим. Иронический, чудовищный круг.

Его взгляд упал на перстень, он медленно поднял его. Холодное железо, на печатке символ рода. Символ, который теперь лежал на его ладони. Это его наследство, наследство долга, мести и безнадёжного положения. Теперь он был главой семьи. Испания, тот самый тыл, который отец и дядя должны были удерживать, чтобы Ганнибал не получил подкреплений, теперь превратился в открытые ворота для нового вражеского вторжения. Гасдрубал Баркид теперь мог спокойно собирать армию для похода в Италию. Все, чего добились здесь, под Капуей, все уроки терпения и силы, — все это могло быть перечеркнуто одним ударом из-за Пиренеев. В пустоте, где секунду назад не было ничего, внезапно вспыхнул огонь, синий, неумолимый огонь решимости. Он сжал перстень в кулаке так, что металл врезался в кожу.

«Tempus venit... fili noster, tu paratus es, et nos parati sumus, te adiuvabimus, Hispania te exspectat... Пришло время... наш сын, ты готов, и мы готовы, мы поможем тебе, Испания ждет тебя...» — отозвался знакомый шепот в голове Публия.

Они погибли не просто так, они погибли, защищая тыл Республики. Их поражение было не концом, а вызовом ему, Публию Корнелию Сципиону. Карфаген отнял у него отца и дядю. Карфаген насмехается над Римом в Испании. Карфаген посылает Ганнибала к стенам Рима. И тогда, в тишине полуразобранной палатки, в свете одинокой лампы, над пеплом Капуи и над тенью гибели отца, он дал свою клятву:

— Вы отняли у меня отца. Вы отнимаете у Рима Испанию, хорошо. Тогда я отниму у вас больше. Я отниму у вас все, я верну то, что потеряно. А потом я дойду до самого Карфагена. Я пойду туда, куда не решался пойти никто. И я положу конец этой войне. Полной, тотальной, беспощадной победой. И я сделаю это не так, как здесь. Я буду беспощаден к врагам, но я буду мудр с теми, кого можно привлечь. Я использую уроки Капуи и я исправлю ее ошибки.

Он надел отцовский перстень на палец. Он сидел плотно, как будто всегда был там. Публий встал. Пустота ушла, ее место заняли воля, цель и его судьба. Публий вышел из палатки. Ночь была ясной и холодной. На западе, за горами, за морем, лежала Испания. Там был его путь, его война, его судьба. Но сначала Рим. Ему нужно было явиться в сенат. Выслушать, возможно, упреки в адрес отца, принять наследство долга. Затем попросить то, чего никто не ожидал от юноши, — командование армией для испанской кампании. Он знал, что ему откажут, значит, нужно будет убедить. Нужно будет показать, что он единственный, кто понимает, как отыграть эту партию. Кто выучил уроки и готов их применить. Он посмотрел на догорающие огни на месте бывшего лагеря, на темный силуэт мертвого города. Публий Корнелий Сципион повернулся спиной к пепелищу и пошел готовиться к возвращению в Рим. В его походе была уверенность человека, который нашел свой путь и больше не свернет с него.

Триумф под Капуей не был ни громким, ни радостным: не было пышного шествия по священной дороге сквозь ликующие толпы, не было триумфаторов на запряженных четверками белых коней колесницах, осыпаемых цветами. Вместо этого на Марсовом поле, за стенами Рима, где обычно тренировались легионы, состоялась суровая церемония. Квинт шел пешком, в сопровождении сенаторов и всадников, без пленных и трофеев. Войска стояли в

безупречном строю, но не пели насмешливых песен, не отпускали шуток в адрес побежденных. Публий, стоя в первых рядах трибунов среди других молодых командиров, смотрел на церемонию отстраненно. Он видел, как Флакк, облаченный в просторную, вышитую золотыми пальмовыми ветвями тунику и тяжелую пурпурную тогу, поднялся по ступеням к скромному алтарю, сложенному из неотёсанных камней. Жрец подвел к алтарю белого, без единого пятнышка, быка. Животное, словно чувствуя свою участь, стояло смиренно, лишь большие темные глаза отражали прыгающие огни факелов. Удар ритуального топора, теплая алая кровь хлынула в жертвенную чашу, а затем была возлита на камни, смешиваясь с пеплом от сожженных лавровых и дубовых ветвей — символом одержанной победы и сурового возмездия. Рим праздновал торжество закона над изменой. После завершения жертвоприношения Флакк обернулся к строю. Началась церемония награждения. Глашатаи выкрикивали имена отличившихся легионеров, центурионов, трибунов. Подходили, получали денежные премии, фалеры, торквесы, простые венки. Сцена была отработанной, механической. Сципион почти не слышал имен, его мысли блуждали где-то далеко, в лабиринтах недавних событий, в тених, отбрасываемых кострами на стены обреченного города. Он вспоминал тихие, страшные моменты, звук последней, отчаянной вылазки, немые, полные ужаса глаза капуанской знати, когда они понимали, что Ганнибал бросил их на произвол судьбы.

– Военный трибун Публий Корнелий Сципион! – голос глашатая, пронзительный и четкий, вырвал его из раздумий.

Сципион сделал шаг вперед, вышел из строя. Песок Марсова поля мягко пружинил под сандалиями. Он прошел несколько десятков шагов и остановился перед возвышением, где стоял консул. Флакк смотрел на него своими усталыми глазами.

– За проявленную исключительную стойкость, за стратегическую инициативу, способствовавшую ускорению падения мятежного города, и за неуклонную верность долгу военный трибун Публий Корнелий Сципион удостоивается награды.

Флакк взял из рук ликтора массивную серебряную дисковую награду на толстом кожаном ремне. На диске была искусно вычеканена голова Медузы Горгоны — устрашающий лик, призванный обращать врагов в камень. Консул возложил фалеру на грудь Публия, застегнул ремень на пряжку за его спиной. Вес серебра и кожи ощутимо лег на грудь, пригвоздив к тунике льняную ткань.

– Республика помнит услуги верных сынов, – тихо, так, что слышал только Сципион, произнес Флакк. – Используй эту награду как напоминание не только о победе, но и о ее цене. И я чувствую: наши пути еще пересекутся.

Сципион склонил голову в формальном поклоне, приложив правую руку к сердцу. Он не чувствовал ни гордости, ни торжества, лишь физическую тяжесть металла на груди. Его взгляд, не удерживаясь на лице консула, скользнул мимо, через ряды солдат, через низкие осенние облака, к южному горизонту. Там, за холмами, за рекой Вултурн, все еще тлели угольки того, что когда-то было Капуей. Рим продемонстрировал с жестокостью, что он может простить поражение, слабость, даже глупость, но он никогда, ни при каких обстоятельствах, не простит сознательного, рассчитанного предательства. Публий повернулся и строевым шагом вернулся на свое место. «А теперь только вперед, в Испанию», – пронеслось в голове Сципиона.

Глава 3. Тяжелое наследство.

*"Mea mihi conscientia plures est quam omnium sermo"*Моя совесть
важнее мне,
чем все пересуды.

Осень 210 года до н.э., Тарракон. Холодный осенний ветер, рожденный где-то в сердце Иберийского моря, неумолимо накатывался на каменистый берег, обрушиваясь на стены Тарракона. Он выл в узких улочках, срывая с глинобитных крыш последнюю поблекшую листву фиговых деревьев, швырял в побеленные известью стены преториума колючие брызги дождя, смешанного с соленой морской пылью. Даже дождь, начавшийся с рассветом и не думающий стихать, казался слезами самой провинции Испания, оплакивавшей своих павших защитников и встречавшей нового, юного и обреченного на проигрыш, как казалось многим, полководца.

Публий Корнелий Сципион, двадцати пяти лет от роду, проконсул, наделенный империем для ведения войны в Испании, стоял на краю деревянного причала, вглядываясь в серую, бурлящую пеной пучину.

В тот год он был воплощением юной мощи и божественной харизмы, которую получил от Юпитера. Представьте себе юношу, чей облик словно отлит из героев того века. Он был высок, строен и широкоплеч, прирожденный воин и властелин. Его длинные, густые золотисто-русые волосы, которые он, следуя моде эллинов, не стриг коротко, как прочие патриции, а носил чуть волнистыми, обрамляли благородное, чисто выбритое лицо. Его лицо было озарено внутренним огнем. Современники говорили, что у Сципиона были глаза как два пламени. Они, глубоко посаженные, обладали странным, гипнотическим блеском, который заставлял варваров отводить взгляд первыми. Говорили, что в моменты размышлений или молитвы в них отражалось небо, словно боги смотрели на мир его глазами. И боги разговаривали с ним шепотом и помогали в случае необходимости. У него был прямой, чуть орлиный нос и твердый подбородок, который выдавал недетскую волю. Он не носил доспехов тяжелее льняного панциря, отделанного серебром, чтобы не обременять тело, которое было воплощением грации. В 25 лет был его расцвет, возраст, когда Александр Македонский правил уже половиной мира. Когда Сципион шел даже по мрамору Римского форума, казалось, что он не касается земли. Из-за правильной осанки он всегда казался чуть выше ростом и чуть величественнее, чем был на самом деле. В нем чувствовался тот, кто заставит самого Ганнибала проиграть свое сражение.

Его ладья, небольшая и быстрая бирема «Венус», уже была пришвартована, и команда разгружала скромный багаж. За его спиной топтались тридцать отборных легионеров, присланных сенатом в качестве почетного эскорта, — больше как символ власти, нежели реальная сила. Символ того, что Рим помнит о своей самой дальней, истекающей кровью провинции. Он чувствовал тяжесть взглядов на своей спине. Взглядов матросов, городской стражи, редких торговцев, осмелившихся выйти под дождь. В них не было надежды, а только любопытство, скепсис, усталая покорность судьбе. Их взгляды как будто говорили, что прибыл еще один Сципион. Старшие легли в землю, теперь пришел младший, его ждет та же участь, его исход предрешен. Он сомкнул пальцы на холодной рукояти меча. Публий мысленно перенесся назад, на берег той же самой Испании. Тогда он был юношей, сопровождавшим отца, консула Публия Корнелия Сципиона, когда тот впервые вступал на эту землю, чтобы отнять ее у Карфагена. Тогда ветер был теплым, пахнувшим розмарином и морем, а глаза легионеров горели предвкушением славы и добычи. Теперь же ветер выл, а в воздухе витал лишь привкус пепла и горечи.

— Публий.

Голос был тихим, но твердым, привычным, как удар собственного сердца. Назика, его брат, сын Гнея Сципиона, его друг, уже успевший прославиться бесстрашием в стычках в Испании. Назика подошел вплотную, заслонив от порыва ветра своим плащом. Его лицо, обычно оживленное ироничной усмешкой, сейчас было серьезным, линии рта под стриженными темными усами — жесткими.

— Препозит лагеря передал, что пропретор Гай Клавдий Нерон ожидает тебя в претории. Без лишней помпы, как ты и просил.

Сципион кивнул, не отрывая глаз от горизонта, где серое небо сливалось с серой водой в единую, безысходную хмарь.

— Как думаешь, Назика, чего он ждет? Еще одного командира, которому суждено пасть? Или просто исполнения формальности: временно передать командование перед моим неизбежным концом?

Назика хмыкнул: — Гай Клавдий — старый волк. Он служил еще под началом моего отца в Иллирии. Он просто ждет приказов и нового плана. Он удерживает Тарракон уже долго, хотя все тут посыпалось. А это о чем-то да говорит.

— Да, это говорит о том, что он умеет отсиживаться за стенами, — горько произнес Сципион, но тут же покачал головой, отгоняя несправедливую мысль. — Но нет, ты прав. Выживание здесь, сейчас, уже подвиг. Просто от этого запаха безнадежности тошнит. Он пропитал все, даже этот дождь.

— Тогда давай проветрим его, — Назика похлопал его по плечу с грубоватой фамильярностью, позволительной лишь брату. — Чем дольше мы топчемся здесь, тем глубже она въедается в кости. Армии нужен командующий, пошли, брат.

Сципион глубоко вдохнул, наполняя легкие холодным, соленым воздухом. В его жилах, казалось, заиграли давно забытые нотки почти болезненного возбуждения. Той самой смеси ужаса и азарта, что охватывала его когда-то давно, когда он бросился сквозь строй врагов, чтобы вытащить из седла раненого отца. Тогда он действовал без мысли, по велению крови. Теперь же думать предстояло за всех.

— Идем, — сказал он коротко, поворачиваясь спиной к бушующему морю.

Тарракон, главная римская цитадель в Испании, представлял собой гибрид полулагеря-полупоселения. Стоящие на постах легионеры не выпрямлялись при виде маленького отряда нового командующего, они лишь тупо поворачивали головы, следя за ним глазами, в которых читалась пустота, апатия, а у иных — немой укор.

«Они смотрят на меня как на призрака, — думал Сципион, шагая по центральной улице. — Призрака былой римской мощи».

До него доносились обрывки шепота, вырывавшиеся из-под кожных и плащей:

— Вон идет еще один Сципион, только теперь младший щенок.

— Его отец здесь же сходил на берег. И где он теперь? Кости в земле.

— Его привезли похоронить нас всех окончательно.

— Тише, дурак, услышит же.

И Сципион правда все слышал. Каждое слово вбивалось в сознание, как заноза. Только глаза, необычайно живые, метались из стороны в сторону, впитывая, фиксируя, анализируя: вот у барака сидит центурион, перевязывая окровавленную ногу молодому легионеру, перевязывает грубо, с лицом, искаженным болью и злостью. Вот двое солдат тащат носилки с телом, накрытым грязной тканью, из-под края свисает бледная, безжизненная рука.

«Это не армия, — с холодным ужасом думал он про себя. — Это сборище призраков, обремененных телами. Дух сломлен, и им не нужен новый генерал. Им нужна причина снова захотеть жить или достойно умереть».

Преторий, штабная постройка, был самым крепким зданием в лагере, сложенным из грубого местного камня. У входа, под навесом, стояли два центуриона. Их доспехи, в отличие от

остальных, были чищены, плащи починены, но лица — изможденные, с глубокими тенями под глазами, с губами, сложенными в тонкую, безнадежную складку. Они отдали честь, движение их рук было автоматическим.

— Проконсул, — произнес один из них, старший, с сединой в коротко стриженных волосах. — Пропретор ждет внутри, проходите.

Публий вошел, за ним вошел и Назика. Десять его легионеров остались снаружи, слившись с серой массой стены под дождем. За деревянным столом, заваленным свитками, восковыми табличками и обрывками карт, сидел человек. Гай Клавдий Нерон, оставленный когда-то Сципионами-старшими отвечать за тылы, а после катастрофы вынужденный принять на себя бремя командования всем, что осталось.

Нерону было за пятьдесят. Он был коренаст, широк в плечах, но сейчас его мощная фигура казалась ссутуленной, придавленной невидимым грузом. Глаза, темные и умные, вглядывались в Сципиона без враждебности, но и без тепла.

— Публий Корнелий, — его голос был низким, хриплым, как после долгого молчания или долгого крика. Он поднялся, и движение далось ему с видимым усилием. — Добро пожаловать в Тарракон. Вернее, в то, что от него, от нас и от всей римской Испании осталось.

— Гай Клавдий, — Сципион шагнул вперед и обхватил его предплечье в традиционном римском приветствии. Ладонь Нерона была шершавой, сильной, но в рукопожатии чувствовалась усталость. — В Риме знают о твоей стойкости. Сенат поручил мне передать тебе благодарность за удержание плацдарма. Без тебя здесь не осталось бы даже этого.

— Плацдарм? — Нерон горько усмехнулся, отпуская руку и жестом приглашая сесть на грубую скамью напротив. Назика остался стоять у входа, приняв позу часового. — Плацдарм для чего, Публий? Для новой катастрофы? Я сидел здесь, как крот в норе, пока твой отец и дядя один за другим шли на смерть. Я сводил балансы, считал амфоры с зерном, гнал на убой свежих рекрутов из Италии, зеленых мальчишек, которые даже держать пилум не умели. И слушал вести, которые становились все хуже и хуже. И вот теперь тишина, ты же тоже, наверное, ее почувствовал. Та самая, что стоит на улице сейчас, а это не стойкость, юноша, это бессилие. Позорное, унижительное бессилие.

Он откинулся на спинку стула, и его взгляд ушел куда-то в прошлое, за стены этой сырой комнаты.

— Когда пришла весть, что не стало твоего отца, а затем и дяди, что армия разгромлена, знамена потеряны, многие здесь, в лагере, предлагали мне сесть на корабли и уплыть. Спасти то, что можно. Но вот только куда нам плыть? В Рим, чтобы встретить там позор и, возможно, казнь? И я решил держаться, не из храбрости, а из упрямства и из-за долга перед их памятью.

Сципион слушал, не перебивая. Он видел боль в глазах этого старого воина, боль, смешанную с гневом на себя, на судьбу, на всех. Это была хорошая боль, она означала, что дух еще не окончательно убит. Что в этом человеке еще тлеют угли, которые можно разжечь.

— Ты сохранил свои знамена, Гай Клавдий, — сказал Сципион. — И в этом уже больше чести, чем в иных громких победах. Но теперь настало время действовать. Расскажи мне все, без прикрас, без утайки. Я должен знать точный вес наследства, которое принял от своего отца.

Нерон тяжело вздохнул, потянулся к глиняному кувшину и налил два кубка вина. Протянул один Сципиону.

— Наследство, какое хорошее слово. Как будто речь о поместье или должности. Наследство, которое я тебе передаю, состоит из трех частей: пепла, призраков и ножа у горла.

Он поставил кубок и начал раскладывать на столе свитки и таблички, будто проводя инвентаризацию.

— Первое — армия, вернее, ее подобие. После последнего разгрома у Илитургиса то, что уцелело, разбежалось. Кто-то погиб в горах от рук иберов, кто-то сдался в рабство, кто-то примкнул к местным племенам, лишь бы выжить. Я смог собрать под стенами Тарракона около

десяти тысяч пехоты. Это калеки, деморализованные неудачники и те, кому просто некуда было бежать. Конницы — полторы тысячи, и та в основном из союзных галльских наемников, чья верность измеряется размером жалованья, которого у нас сейчас нет. Еще около пяти-семи тысяч разбросаны мелкими гарнизонами по северному побережью, до Эмпориона. Они держатся, потому что карфагеняне до них пока не добрались. Всего, если собрать все в кулак, наберется двадцать пять, от силы двадцать восемь тысяч. И это против трех армий, Публий, трех. И каждая, взятая отдельно, сильнее нашей, лучше снабжена и ведома опытными, матерыми волками.

Он ткнул в точку к югу от широкой ленты, обозначавшей реку Ибер.

— Гасдрубал Баркид, родной брат Ганнибала. Он не гений, как старший брат, но он упрямый, безжалостный. Он стоит здесь, в районе Сагунта, который мы когда-то спасали и который снова потеряли. У него пятнадцать тысяч отборной пехоты, ливийские ветераны, такие же, как те, что прошли с Ганнибалом Альпы, иберские наемники, нумидийские стрелки. Конница — три тысячи голов, лучшая в мире, легкая как ветер и смертоносная как чума. И двадцать слонов, двадцать, Публий. После Канн мы забыли, каково это — встречать этих чудовищ в поле. Он разбил твоего отца, его армия насыщена победой и уверена в себе. И главное — у него есть цель. Он не просто хочет вышвырнуть нас из Испании. Он хочет идти в Италию, соединиться с Ганнибалом. Если он прорвется через Пиренеи...

Нерон не договорил. Договорить не было нужды. Призрак Гасдрубала, идущего на помощь брату, был кошмаром каждого римлянина: от сенатора до раба.

Он скользнул дальше на запад.

— Второй — это Магон Баркид. Младший брат, ему нет даже тридцати, а он уже как огонь, в отличие от каменного Гасдрубала. Жестокий, импульсивный, жаждущий славы и крови. Он орудует здесь, в Лузитании, среди диких племен, которым он сулит золото и свободу от римских захватчиков. У него чуть меньше двенадцати тысяч. Но он очень активен. Он не строит планов, он воюет сейчас. Вербует лузитан, которые с радостью режут всех подряд, и римлян в первую очередь. Если мы повернемся к Гасдрубалу, Магон ударит с тыла и перережет нам горло.

И, наконец, он опустил на самый юг карты, к узкому проливу.

— Третий — это Гасдрубал, сын Гисгона. Он не Баркид, а представитель старой карфагенской знати, они всегда враждовали с кланом Барка. Он сидит здесь, в Гадесе и окрестностях. У него больше всего денег, ибо он держит в ежовых рукавицах серебряные рудники Бетики. Его армия самая большая, до двадцати тысяч, но она рассредоточена, прикована к охране рудников и городов. Он ненавидит Баркидов, возможно, даже больше, чем нас. Но он ненавидит и нас, все-таки, тоже. И если появится шанс добить Рим в Испании, он отбросит личную неприязнь. Деньги решают все, а у него их больше всех.

Нерон посмотрел на Сципиона испытующе.

— Вот оно, твое наследство, проконсул. Двадцать пять тысяч деморализованных солдат против пятидесяти тысяч закаленных ветеранов и диких головорезов. Они разделены пока. Между ними есть соперничество, зависть, старые счеты. Но их объединяет одна цель: стереть римское имя с лица Испании. И если мы дадим им повод, если мы совершим ошибку, они отбросят разногласия. Они объединятся. И тогда нас сотрут в порошок и сметут в море. А Гасдрубал Баркид спокойно двинется на Пиренеи.

Сципион не отводил взгляда от карты. Его ум, острый и тренированный годами учебы, размышлений и наблюдений за великими полководцами, уже работал, переваривая информацию, раскладывая ее по полкам. Он видел три красных пятна, угрожающих маленькому синему Тарракону, пространство, горные хребты, реки, племена. Видел силы и слабости, единство и трещины.

— Ты думаешь, они объединятся?

— Рано или поздно — да. Зима их разъединяет. Снега в горах, разливы рек. Но весной Гасдрубал Баркид начнет движение на север, к перевалам. Магон будет прикрывать его фланг. А Гасдрубал, сын Гисгона, увидит в этом шанс разбогатеть еще больше, снабжая их серебром. У нас есть, может быть, три-четыре месяца зимы. Потом начнется охота.

— И традиционная римская тактика — собраться в кулак и бить по одному — не срабатывает, — констатировал Сципион, поднимаясь и подходя к стене, где висела более подробная, нанесенная на кожу карта. — Если мы двинемся на юг, к Гасдрубалу, Магон ударит нам в тыл. Если пойдем на запад, на Магона, Гасдрубал возьмет Тарракон и отрежет нам путь к отступлению. А третий в это время ударит с юга. Мы в центре, они по периметру. Классическая стратегия уничтожения. Так победил Александр при Иссе. Так победил Ганнибал при Каннах. И мой отец с дядей попали в эту ловушку. Они бились честно, по всем правилам римского военного искусства, и проиграли.

Он повернулся к Нерону, и в его глазах, отражавших трепещущий свет огня, вспыхнула первая искра возбуждения.

— Значит, нам нужно играть не по их правилам. Даже не по нашим старым правилам. Мой отец и дядя были великими полководцами. Но они сражались здесь, как в Италии. Они пытались принести сюда римский порядок, римскую фалангу, римскую дисциплину. И это срабатывало первое время. Но теперь Карфаген адаптировался. Теперь у них свои Ганнибалы, выросшие на этой земле. Они понимают ее лучше, знают, что сила в Испании не только в легионах, но и в горах, в ущельях, в преданности местных племен, в серебре рудников, в знании каждой тропы. Кто владеет доверием иберийцев, тот владеет провинцией. А мы за восемь лет этого доверия не заслужили. Мы были для них лишь новой, пусть и менее жадной властью.

Нерон скептически хмыкнул, отхлебывая вино.

— Иберийцы? Проклятые ненадежные дикари. Сегодня они с тобой, потому что ты платишь, завтра перебегут к карфагенянам, потому что те заплатят больше. Они предали твоего отца: племя илергетов, считавшихся нашими союзниками, указало карфагенянам тайную тропу в тыл.

— Их предали, потому что иберийцам не дали выбора, — вспыхнул Сципион. — Мы требовали от них дани, заложников, воинов. А что давали? Защиту? А от кого защиту? От нас же самих, когда наши легионы проходили по их землям? Карфаген, по крайней мере, не лицемерит. Он говорит: «Плати и служи, или умри». Мы же говорим: «Будь свободным под нашей рукой». Но рука эта тяжела. Нет, Гай Клавдий, мы должны стать другими. Или мы научимся понимать эту землю и ее народ, или мы умрем здесь все до последнего.

Публий снова подошел к столу.

— Сначала — армия. Я хочу увидеть ее, и увидеть ее сейчас, такой, какая она есть. В грязи, в отчаянии, в язвах, сегодня же.

Нерон взглянул на него с интересом: в этом юноше, только что сошедшем с корабля, было что-то, что пробивало толщу его собственного отчаяния, какая-то призрачная надежда.

— Как прикажешь, проконсул. Но зрелище будет не для слабонервных.

— Я и не слабонервный, — холодно ответил Сципион. — Я Сципион, и я пришел сюда за своим наследством.

Построение на главном плацу лагеря под холодным осенним дождем стало актом почти садистским. Но Сципион настоял на своем. Он хотел видеть их такими, какими они есть сейчас: промокшими, несчастными, подавленными. Он хотел, чтобы они видели его, стоящего под тем же дождем, без пурпурного плаща проконсула, в простой походной тунике и потертом офицерском плаще, с гладиусом на поясе. Они строились медленно, нехотя, под окрики центурионов, в голосах которых звучала уставшая от всего ярость. Они выстраивались в нечто, отда-

ленно напоминающее боевые порядки. Щиты были тусклыми, многие побиты, с залатанными краями. Доспехи — где кольчуга, где просто грубый льняной панцирь — выцвели, покрылись ржавчиной и грязью. Лица с потухшими глазами смотрели куда-то сквозь нового командующего: в свое мрачное будущее или кровавое прошлое. Здесь были ветераны, прошедшие все восемь лет кампании, седые, со шрамами. Были юнцы, набранные в прошлом году в Италии, но уже пропитанные страхом старших. Были раненые, перевязанные грязными тряпками, державшиеся на ногах из последних сил. Сципион поднялся на невысокий деревянный помост, сооруженный для обращений. Дождь хлестал ему в лицо, стекал за воротник, но он не прятался, дал им время рассмотреть себя — молодого наследника великих имен и великих неудач.

«...Eloquentiae vim tibi dono. Dic illis, dic illis omnia... я дарю тебе силу красноречия, скажи им, скажи им все...» — прозвучал шепот у него в голове.

Потом Публий заговорил. Его голос, поставленный годами уроков риторики, чистый и сильный, резал шум дождя и вой ветра, достигая самых задних шеренг.

— Солдаты Рима! Великие воины Испании!

Он сделал паузу, встречая сотни устремленных на него глаз. В них была апатия, и в этой апатии была самая страшная опасность.

— Я знаю, вы думаете, что сейчас видите перед собой не опытного война присланного сенатом потому, что не нашлось других желающих принять эту почетную должность. Сына и племянника полководцев, которые привели вас сюда и оставили вас здесь умирать.

Ропот, низкий, как гул потревоженного улья, пробежал по рядам.

— Вы правы в одном, — продолжал Сципион, и его тон стал тише, доверительнее, как будто он делился с ними страшной тайной. — Я Публий Корнелий Сципион, сын и племянник погибших здесь полководцев, их тела, их кровь — в этой земле. И эта же кровь течет в моих жилах. Их долг лежит теперь на моих плечах, и их позор тоже.

Он ударил себя кулаком в грудь.

— Их позор, их проигрыш — не ваша вина. Я вижу перед собой не трусов и не неудачников. Я вижу людей, которые восемь долгих лет сражались на краю света, вдали от родины, от жен, от детей, от своих виноградников и полей. Людей, которые теряли товарищей, братьев, командиров, но все еще держат в руках оружие. Все еще стоят под этими проклятыми дождями под римскими знаменами. Скажите мне, разве после всего, через что вы прошли, вы заслужили лишь презрение и забвение? Разве ваша судьба — быть просто удобрением для этой чужой, негостеприимной земли?

Он спрыгнул с помоста, и его сапоги с хлопом утонули в грязи. Он пошел вдоль первого ряда, медленно, глядя в глаза солдатам. Его серый плащ обвис, пропитанный водой, но осанка была прямой, плечи расправлены.

— Мой отец и дядя пали не потому, что вы плохо сражались. Они пали, потому что враг был сильнее здесь, на своей земле. Они сражались честно, по старым правилам, которые мы принесли с собой из Италии. Но времена изменились. Карфаген научился. И если мы будем продолжать играть по их правилам, мы все, до последнего, ляжем здесь, в этой грязи. А Гасдрубал Баркид поведет свои легионы через Альпы, чтобы помочь брату добить нашу родину. Я не позволю этому случиться.

Он остановился перед старым центурионом со шрамом, рассекавшим щеку от виска до угла рта. Человек смотрел на него с немой вызовом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.